

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

МАКСИМ ШАТТАМ

СОЮЗ ХИЩНИКОВ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

Поклонники
ЖАН-КРИСТОФА ГРАНЖЕ
И ФРАНКА ТИЛЬЕ
будут в восторге!

18+

Максим Шаттам
Союз хищников

Серия «Звезды мирового детектива»
Серия «Парижский отдел
расследований», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70304278

*Союз хищников: Азбука, Азбука-Антикус; Санкт-Петербург; 2024
ISBN 978-5-389-25060-4*

Аннотация

По всей Франции, а затем и по всей Европе полиция находит трупы зверски замученных людей, умиравших очень долго. Каждое место преступления отмечено одним и тем же таинственным знаком, однако очевидно, что убийства совершали разные люди. Что происходит? Орудуют убийца и его подражатели? Между жестокими анонимами, которых ведет неодолимый, первобытный инстинкт хищника, есть некая связь? Быть может, они посылают друг другу сигналы? И где случится трагедия в следующий раз? Пожалуй, мы бы спокойнее спали по ночам, если бы не знали...

Детективные триллеры и нуары Максима Шаттама только во Франции расходятся миллионными тиражами и стали бестселлерами еще в двух десятках стран. Поклонники Жан-

Кристофа Гранже и Франка Тилье не могут не оценить эти туго закрученные романы, в которых события мчатся во весь опор с первых строк до совершенно ошеломительного финала и никто из героев не отделяется легкими ушибами. «Очень рад, что сумел вас травмировать», – говорит нам Максим Шаттам и почти не шутит: в романе «Союз хищников», первом из его серии о невероятных преступлениях, которые приходится разгадывать Парижскому отделу расследований, открываются бездны зла.

Впервые на русском!

Содержание

Часть первая	7
1	7
2	15
3	28
4	41
5	54
6	63
7	77
8	87
9	94
10	104
11	114
12	126
13	134
14	141
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Максим Шаттам

Союз хищников

Посвящается моей жене Фаустине.

Писать такую мрачную историю – это как плыть под черными небесами, исследовать зоны дискомфорта. Чтобы лучше понимать Человека и созданную им цивилизацию. То худшее, что живет в нас. Чтобы выше ценить все остальное.

Пока я блуждал в поисках, она светила мне, как путеводная звезда. Помогала держать правильный курс и ежедневно возвращаться в тихую гавань.

Звезде, что провела меня сквозь бездны.

Maxime Chattam

LA CONJURATION PRIMITIVE

Copyright © Éditions Albin Michel – Paris 2013

Оформление обложки Ильи Кучмы

© А. Ю. Беляк, перевод, 2024

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2024

Издательство Азбука®

* * *

Атмосфера, в которой пишется и читается книга, важна почти так же, как и сами слова, и потому я сочинял эту историю под музыку. Вот музыкальные произведения, которые звучали чаще всего, я очень рекомендую слушать их при чтении романа:

саундтрек Марка Страйтенфельда к фильму «Прометей»;

саундтрек того же Марка Страйтенфельда к фильму «Схватка»;

саундтрек Говарда Шора к фильму «Молчание ягнят».

Часть первая

Он

1

Человек здесь только прохожий, словно говорили горы.

Из скалы вставал мощный гребень высотой в тысячу метров, серый, испещренный белыми жилами, с каждым порывом ветра дымившийся завитками пыли, – головокружительный хребет, замыкавший долину, укрывавший деревню Ла-Жьеттаз своей вечной тенью, которую не могла прогнать даже сила древнего солнца.

Эта гора возвышалась над округой миллионы лет и простоит здесь по крайней мере еще столько же.

Деревня, уютившаяся в уступах каменного исполина, состояла из десятка домов из кирпича, досок и шифера – отдаленных потомков хлипких шалашей, наследников менее древних лачуг из глины и веток, которым грозила каждая буря, зима или ненастье. Здесь весь пейзаж напоминал, что человек лишь временное явление на поверхности Земли. Всего лишь цепкий паразит: прошел – и нету, и скоро о его существовании будут говорить только останки былой цивилизации. А гора и не вспомнит о том, что он путался у нее под

ногами и входил в ее лоно.

Но пока на этой спокойной глыбе виден мимолетный след человека – темнеющая в утреннем свете тонкая нить, искусно уложенная по склону, узкая лента гудрона, петляющая от деревни до середины горы.

Алексис Тиме вел машину, пригнувшись к рулю, пальцы едва виднелись из рукавов пуховика. Отопление в этой взятой напрокат машине не работало. Толстый шарф обвивал шею, словно змея, готовая удушить жертву. Каждый выдох порождал мимолетную химеру, которая тут же таяла в салоне. Алексис вообще не любил водить в горах. Альпы в этом плане ничего приятного не сулили.

Маленький «опель-корса» притормозил, входя в крутой поворот, затем прибавил газу на подъеме, один за другим преодолевая извивы дороги. Алексис ехал быстровато, форсируя мотор на позднем переключении передач, словно хотел поскорее оторваться от Ла-Жьеттаз. К счастью, снега на этой высоте не было – пока еще, – октябрь только начинался.

Он взглянул на картонную папку, на поворотах ерзавшую по пассажирскому сиденью.

Символ *e, написанный от руки толстым черным фломастером, выделялся на фоне красной обложки.

Красная, как кровь, подумал Алексис.

Не время гонять в голове такие мысли!

Лучше сосредоточиться на дороге. До въезда на ферму осталось совсем немного, если в деревне правильно указали

дорогу.

Чуть выше, на середине поворота, меж елей начинался заезд, обозначенный крохотной деревянной табличкой, поблекшей от непогоды. На ней с трудом читалось название «Ла-Монжетт».

Алексис почти приехал.

«Корса» запрыгала по гравию и углубилась в просеку посреди леса, жмущегося к склону горы, которая в итоге вывела ее к небольшой поляне, где располагалась старинная каменная ферма.

Алексис проехал вдоль служебных построек и припарковался рядом с выдавшим виды джипом. Прежде чем выйти из машины, огляделся.

Полный покой. Ветви огромных хвойников замерли, не шелохнутся. Ни тени жизни.

Внезапно на капот слетела крупная галка, и Алексис вздрогнул. Раскрыв клюв, птица сделала пару шагов и повернула голову, как бы желая получше рассмотреть молодого человека черными бусинами глаз. Кажется, ее заинтриговала струйка пара, вылетевшая изо рта у жандарма. Затем галка, так же беспричинно, как появилась, снялась с капота и перелетела на высокую ветку.

Алексис сгреб красную папку и выбрался на холод.

Из трубы фермерского дома шел густой дым. По крайней мере, там кто-то есть.

Дрогнула занавеска, сдвинулась и вернулась на место, и

вскоре к нему вышел человек.

Около пятидесяти, лысый, глаза зеленовато-серые, почти прозрачные. Алексис сразу узнал его.

Ришар Микелис.

Однако выглядел он гораздо выше и крупнее, чем на фотографиях. Плечи, руки – такими хоть лес валить.

– Приехали заниматься математикой? – спросил он ровным глубоким басом, словно идущим из самой земли.

– Что, простите? – спросил Алексис в замешательстве.

– Вы к моей дочери Саше? Репетитор?

Вдруг осознав, что он в штатском, Алексис замотал головой и протянул руку.

Микелис сжал ее, ладонь была мозолистая, натруженная, пальцы довольно тонкие, но рукопожатие оказалось весьма ощутимым.

– Старшина жандармерии Алексис Тиме, парижский отдел расследований. Можете уделить мне немного времени?

Микелис резко напрягся, взгляд стал пристальней. Он так впился глазами в молодого жандарма, что тому стало не по себе: будто мясник нацепил его на крюк, как тушу, и сейчас подвесит. Гипнотический взгляд. Ришар Микелис был весь как сжатая пружина.

– Что-то с женой? – спросил он, не мигая.

– Нет-нет, лично вас дело никак не касается, не волнуйтесь. Это... немного сложно, можно я войду в дом и все вам изложу?

– Вы ведь в курсе, что я больше не работаю ни с полицией, ни с жандармерией, да?

– Мне сказали.

– Тогда зачем вы приехали?

– Мне нужно с вами поговорить.

Ришар Микелис скрестил руки на груди, под одеждой проступили мощные мускулы. Он был одет в шерстяной свитер поверх футболки, но казалось, не замечал холода.

– Я приехал из Парижа специально, чтобы с вами встретиться, – повторил Алексис.

– Я больше не консультирую. Вам стоило позвонить, тогда не пришлось бы зря мотаться. Извините.

– Я знал, что по телефону вы откажете сразу, поэтому привез вам это.

Алексис поднял к груди красную папку.

Зрочки в серо-зеленой оправе взяли папку на прицел.

– Похоже, вы не поняли, молодой человек: я ушел в отставку.

– Вы лучший криминолог в стране, если не в Европе. Мне нужно ваше мнение. Это важно. Поверьте, в иной ситуации я бы не стал вас беспокоить. Позвольте мне просто изложить вам то, что находится в этой папке.

Ришар Микелис глубоко вздохнул, не скрывая раздражения.

– Молодой человек, с меня хватит. Я больше не практикую, вы зря потратили время.

Микелис развернулся, чтобы снова войти в дом, но Алексис окликнул его:

– Я знаю, вы ушли с работы, чтобы быть ближе к родным, чтобы полностью посвятить себя семье, но мы в тупике! Нам нужно мнение эксперта, свежего человека! Я прошу всего несколько минут, я не буду пытаться вернуть вас на службу, нужно просто ваше мнение...

Микелис замер, потом развернулся и снова взглянул на него:

– Мнение за несколько минут не составить, это так не работает.

– Я могу оставить документы, вы прочитаете, когда будет время. И потом мне пере...

Микелис поднял руку, прерывая его:

– Я вышел в отставку, потому что эта работа съедает человека изнутри. Чтобы понять насилие, надо впустить его в себя, и оно постепенно расползается внутри, заражает всю систему мышления, окрашивает чувства, проникает в фантазии; это настоящая зараза, понимаете? И я не хочу воспитывать детей, держа эту дрянь в голове.

Алексис серьезно кивнул.

– Насилие – вещь заразная, – сказал он. – Как ни крути.

Микелис взглянул на собеседника, и тому стало не по себе от его почти белых глаз.

– Да, это заразно, – негромко подтвердил он.

Жандарм помахал перед ним папкой:

– Об этом и речь. Мы обнаружили эпидемию. Нового вида. И вы единственный специалист, который может нам помочь.

– Нет, не единственный; наведите справки, молодой человек. И в отличие от меня другие с радостью придут на помощь.

– И так же не смогут разобраться, как и мы.

Микелис вздохнул: разговор его утомлял.

– Все действительно серьезно, – в отчаянии повторил Алексис.

– А почему вы считаете, что я компетентнее любого другого?

– Ваш опыт. Ваши результаты. Вы лучше всех. Вы не только энциклопедия криминалистических знаний, вы чувствуете преступление, вы умудряетесь понять преступника, говорить на его языке. Я прочел о вас все. Это я убедил нашего полковника позволить мне обратиться к вам.

– Лесть вам, к сожалению, не поможет.

– Я рассчитываю на ваше любопытство, – тут же ответил Алексис. – Того, что я вам покажу, вы еще нигде не видели. – Его словно лихорадило, голос звучал сбивчиво. Он собрался с силами и, глубоко вдохнув, добавил: – Мы запутались не потому, что это небывалое преступление, а потому, что разгадать его нам не по силам.

Микелис заинтригованно наклонил голову. Несколько секунд молчал. Галка со своей ветки наблюдала за сценой. По-

том с протяжным насмешливым криком улетела вниз, в долину.

– Чтобы жандармы признали, что ничего не понимают... Видимо, вы и вправду влипли, – сказал наконец Микелис. – К обеду вернется жена, мне надо, чтобы вы уехали раньше. Он посторонился и указал на дверь фермерского дома.
– У вас меньше часа.

2

Ришар Микелис поставил на красно-белую клеенку две чашки горячего кофе.

Огонь потрескивал в камине, в кухне еще витал запах тостов.

Алексис с порога гостиной оглядел просторную комнату со множеством старых вещей и семейных фотографий в рамках, висевших на стенах. Ришар Микелис и его дети, девочка постарше и мальчик помладше, рядом со смуглой женщиной с длинными кудрявыми волосами. На всех снимках – они. На лыжах, на море, в Диснейленде, в лесу, за семейным столом – десятки фотографий, сделанных в стремлении не упустить ни секунды из этих моментов счастья.

– Мои тотемы, – сказал ему в спину Микелис.

– Как вы сказали?

– Вы же смотрели на фотографии? Это мои тотемы. Они берегут меня от сглаза. Здесь мой кокон, мое гнездо. Садитесь.

Он подвинул чашку с кофе ближе к жандарму.

– Похоже, вам здесь хорошо.

– Я не жалею, что вышел в отставку, – быстро ответил Микелис, – если вы об этом. Здесь, в горах, мне спокойно, и моя стая со мной. Я не хочу тащить сюда призраки прошлого. Поэтому вы сейчас быстро расскажете мне свое дело, удо-

влетворите мое любопытство, а потом отзвонитесь вашему полковнику и скажете, что я вас выслушал, но ничем не помог. А после вернетесь в долину, сядете на поезд и донесете до всех и каждого: в любом, даже худшем, случае Ришар Микелис не вернется на работу. Слушаю вас.

Алексис сглотнул, сжал ладонями горячую чашку, потом хотел было взять красную папку, но собеседник резко остановил его:

– Нет, никаких фотографий и отчетов. Я хочу услышать дело из ваших уст. Вашими словами.

Жандарм медленно покачал головой. Он выпрямился на скамейке так, что хрустнули позвонки. Он искал, с чего начать.

– Давайте с главного, – подсказал Микелис негромко, словно читая его мысли.

Алексис решил идти по хронологии:

– Первую жертву нашли на берегу Марны в департаменте Сена и Марна, недалеко от забытой богом деревушки под названием Аннет.

– «Первую жертву», то есть у вас серия преступлений?

Алексис кивнул.

– Это был конец июня. Жертва оказалась... очень сильно повреждена. И не из-за того, что ее нашли в воде, – тело оставалось там недолго. Следы многочисленных травм. Пытки, изнасилования – все по полной. Множественные следы удушения, накладывающиеся друг на друга. Сначала судмедэкс-

перт решил, что убийца не сразу сумел ее задушить и потому три или четыре раза брался за дело. Но были и характерные признаки реанимации: гематомы в грудино-реберной области, синяки на носу и так далее. Очевидно, что тот, кто это с ней делал, истязал ее, насиловал и душил, пока она не оказывалась на грани смерти. И тогда он возвращал ее к жизни. Он делал это несколько раз, пока она не ушла окончательно. Ее звали Клэ...

– Без имен. Продолжайте.

Немного сбитый с толку, Алексис облизнул губы, прежде чем продолжить:

– Вторую жертву нашли в лесу недалеко от Порт-Марли, в департаменте Ивелин, в самом начале августа. Опять женщина, на этот раз чуть постарше, тридцати трех лет. Те же травмы, тот же почерк, те же попытки душить, а затем реанимировать жертву до тех пор, пока она не умрет.

– Ивелин не в вашем секторе, при чем тут вы?

– С две тысячи двенадцатого года парижский отдел расследований обладает юрисдикцией на национальном уровне. Нам могут передавать дела со всей страны, если они связаны с расследованием, которое ведется у нас. Тут как раз такой случай.

– Как вы установили связь между этими двумя убийствами? Почерк преступника?

– Да. Он душил жертв их собственным нижним бельем, одновременно насилуя, затем реанимирует, чтобы снова на-

силовать, и так далее. К тому же в обоих случаях он действовал в домах своих жертв: мы обнаружили там следы борьбы, кровь, сперму... Но ни в том, ни в другом случае никаких следов взлома. Поэтому и прозвище ему дали – Фантом. Но это еще не все. Он вырезает у них на спине букву.

Микелис удивленно поднял брови:

– Из букв складывается слово?

– Нет, буква всегда одна и та же – *e*. И перед ней звездочка.

На этот раз Алексис вытащил из красной папки фотографию и подвинул ее по столу ближе к криминологу.

Розовая кожа, множество родинок на поясице.

И – вспоротый валик кожи ниже лопаток, малиновая борода вместо чернил, странное послание, как клеймо, глубоко впечатавшееся в плоть: **e*.

– Две жертвы менее чем за четыре месяца, – заметил Микелис.

– У этого убийцы – да.

Не выпуская фото из рук, Микелис поднял на жандарма свои прозрачные глаза:

– А что, есть и другой?

– Если только этот тип не страдает раздвоением личности.

В период с июля по сентябрь на востоке Франции в безлюдных местах обнаружены три жертвы. Этот преступник долго жертв не мучает, убивает довольно быстро, способы разные. Задушил только одну. Настоящий бешеный зверь. Нелюдь.

– А что, первый не зверь?

– Первый методичнее. Чувствуется, что он последовательно реализует какую-то навязчивую идею. Убийца с востока – мясник. Полный отморозок. Мы называем его Зверь.

– По второму тоже есть ДНК?

– Если по Фантому у нас есть все, что нужно, поскольку он оставил сперму, то по Зверю, наоборот, нет ничего. Видимо, использует презервативы.

Микелис поморщился, сдвинув брови:

– В таком случае никакой он не псих, он владеет собой.

– Может быть, он не кончил... Презервативы – это только предположение.

– А в лаборатории не пытались найти следы смазки?

– Это было... непросто. Сказать, что он зверь, – это еще полправды.

– У вас есть три жертвы, и вы не нашли его лобковые волосы?

– Нет. Ни одного. Ни единого волоска, ничего.

– Он должен был что-то оставить, тем более по трем преступлениям, он не может быть все время чист.

– Просто... каждый раз... это какой-то кошмар. Понимаете, он... он их...

– Ну что? Что он с ними делает?

– Мы считаем, что он их ест.

На этот раз Микелис на секунду замер с открытым ртом.

– Почему вы так решили?

– Следы укусов. Рваные раны, отсутствующие куски мяса.

У него огромный рот. Это единственная зацепка, если только нам удастся ее использовать. Судмедэксперт сказал, что это самый большой рот, который он когда-либо встречал. И поразительные зубы.

– То есть?

Алексис сглотнул, его смущали эти подробности.

– Острые. Как будто вся челюсть заполнена клыками.

Криминолог задумался, прикрыв рот крупной ладонью.

Наконец, отняв руку, он совершенно серьезно спросил:

– То есть вы охотитесь на вампира?

– Иногда мне так кажется...

– Вы имеете дело с чем-то средним между психотиком и психопатом. От первого – безумие, от второго – дотошность и тщательная осторожность. Довольно необычный случай, я согласен.

– Я вас предупреждал.

Микелис сделал глоток кофе и спросил:

– Какая связь между двумя сериями убийств?

– У трех девушек, найденных на востоке Франции, также имеется буква *e, она вырезана ножом на ягодице с левой стороны.

Микелис какое-то время сидел сосредоточенно, погружившись в свои мысли.

– Вы уверены, что у них разный почерк, что это двое разных убийц? – наконец спросил он.

– Все наводит на такую мысль.

– Еще зацепки?

– По первому – ничего. Второй менее дотошен. Помимо следов укусов мы обнаружили отпечатки автомобильных шин на двух из трех мест преступления.

– Модель машины определили?

– По следам удалось установить расстояние между осями, радиус поворота колес и тип шин. В принципе эксперты НИИ криминалистики¹ считают, что это «рено-твинго» первой модели.

– ДНК в следах укусов? Слюна...

– Ничего... Надо сказать... это каждый раз месиво. Судмедэксперт только руками развел: все залито кровью, она портит весь биоматериал, которого и так крайне мало.

– Итак, у вас есть двое серийных убийц, которые, как вам известно на данный момент, начали преступную деятельность примерно в одно время и подписываются одним и тем же символом.

– Мы не знаем, то ли они действуют сообща и обмениваются опытом, то ли это два урода, которые перед освобождением из тюрьмы договорились устроить соревнование и теперь живут каждый сам по себе. Но они как-то связаны.

– Изучите американские дела, например дело Норриса и Биттейкера, Оттиса Тула и Генри Ли Лукаса или, ближе к нам, в Германии, дело Левендела и Вирца. Вы обнаружи-

¹ Научно-исследовательский институт криминалистики Национальной жандармерии. – *Здесь и далее примеч. перев.*

те, что дуэты серийных убийц существуют. На них можно учиться.

– Я прекрасно это знаю. Но на сей раз они как будто действуют не вместе, а параллельно.

– Это еще предстоит доказать. Необходимо детально изучить дело и узнать больше.

Алексис взглянул на толстую красную папку. Следует ли воспринимать последнюю фразу как ободрение?

Микелис слушал внимательно, с интересом; настала пора рассказать ему остальное:

– Это еще не все, – снова заговорил жандарм. – Месяц назад одна из наших служб по борьбе с педофилией обнаружила, что по интернет-форумам гуляет несколько фотографий: изнасилованные мальчики с красной буквой *e, нарисованной на спине. Два разных мальчика. Все три эксперта-психиатра, с которыми мы консультировались, говорят, что это действует совсем другой человек, – слишком много различий и мало совпадающих деталей между убийством взрослых женщин и надругательством над этими мальчиками.

Алексис выдержал паузу, словно добиваясь большего эффекта, и ледяным тоном добавил:

– Итак, у нас трое преступников, которые одинаково подписывают свои деяния.

Микелис невозмутимо смотрел на него, держа в одной руке фотографию жертвы с родинками, в другой – чашку остывшего кофе.

– По-вашему, это организованная, четко выстроенная сеть или просто бредовое пари между бывшими зэками?

– Понятия не имею. У нас ничего нет. Педофильские снимки отследить не удалось, они тонут среди сотен других в сети, установить автора невозможно.

– Единственная зацепка – этот символ... А по двум убийцам? Есть какие-то направления поисков?

– Мы продолжаем работать над списками входящих и исходящих вызовов на все мобильные телефоны в районах, где были обнаружены жертвы, до и после совершения преступлений, сопоставляем десятки тысяч номеров. Изучаем все видеозаписи, которые удалось получить в округе, – с автостоянок, банков, платных дорог – в надежде обнаружить что-то значимое, но это титаническая работа, и пока она ничего не дала.

– А на камерах наблюдения заправочных станций или банкоматов не попадался «рено-твинго»?

– Мы все просмотрели – рабочего материала нет. Правда, камер немного, преступления совершены в сельской местности: оборудования мало, а возможных направлений слишком много.

– В генетической базе данных тоже ничего?

– Нет. Тот, кого мы назвали Фантомом, там не фигурирует. Есть отпечатки подошвы в лесу Дабо, возле трупа одной из девушек: это прогулочная обувь типа «тимберлендов», но точную модель мы пока не определили. Размер тридцать ше-

стой, а если учесть рост убийцы, нет никаких доказательств того, что след оставил он. И это все, что у нас есть.

– Свидетелей нет? Ни по одному делу?

– Никого. Хотя мы объехали всю округу, опросили всех, заезжали на дальние заправочные станции в этом районе. Ничего. Преступники действуют аккуратно.

– Очень аккуратно.

Алексис мрачно кивнул.

– Мы все понимаем, что это значит: они не остановятся. Их нужно быстро найти, иначе у нас появятся другие трупы. Ну вот, теперь вы в общих чертах знакомы с делом.

Микелис допил свою чашку, затем встал и оперся на раковину. Алексис не сводил с него глаз, высматривая малейшие признаки заинтересованности. Криминолог вздохнул и пожал плечами:

– Я не знаю, что вам сказать.

– Признайте, дело невиданное. С таким случаем даже вы никогда не сталкивались.

Микелис устремил свой ледяной взгляд на молодого жандарма:

– На подначку я не клюну. Слушайте, я согласен, это... Конечно, я такого не ожидал, но ничем не могу вам помочь. За пять минут нельзя составить мнение, нужно время, чтобы все прочесть, все подробно проанализировать и войти в дело. Но я этого делать не буду.

– Вы решили это, еще не впустив меня в дом, зачем тогда

мне открыли?

– Просто из любопытства. Я дам вам имена компетентных экспертов, поработайте с ними. Полагаю, жандармерия создала для раскрытия этих преступлений специальную группу?

– Да. Мы находимся в парижском отделе расследований, у метро «Порт-де...»

– «Порт-де-Баньоле», я знаю. В Париже есть один очень знающий криминолог, которому я вполне доверяю. Я ему позвоню. Уверен, он вам поможет.

Алексис Тиме смотрел на Микелиса.

Он ожидал большего. Надеялся, что рассказ обо всем, что случилось, об исключительном масштабе убийств заставит криминолога прервать уединение. Надеялся на это не только из-за его репутации, но главное, из-за его практических навыков. Ришар Микелис был уникален. Его обширные знания, преданность делу, индивидуальные методы и наработки, результативность делали его не просто специалистом, а легендарным персонажем.

– Нам нужны вы. И никто другой, – с твердой уверенностью сказал Алексис.

– Выходит, вы зря проделали весь этот путь. Сожалею.

– Вам безразлично, что погибло столько людей, а убийца...

Микелис остановил его, резко подняв указательный палец:

– Не надо взывать к моим чувствам. Избавьте меня от проповедей. Я впустил вас, потому что вы приехали издалека ради встречи со мной, а теперь, когда вы знаете, что я ничем не смогу вам помочь, езжайте назад, молодой человек.

Алексис опустил голову.

Он испытывал не огорчение, а досаду. На самого себя. Нет у него напора, умения убеждать. Ему ведь казалось, что стоит лишь приехать сюда и обрисовать Микелису весь грандиозный масштаб дела, как тот сразу присоединится к команде. Он столько раз разыгрывал в уме их разговор в скором поезде Париж–Лион, что и сам поверил в успех.

– Я пришлю вам имя человека, о котором говорил, – добавил криминолог. – Он поможет, он в этом дока. Но и не ждите от него чего-то сверхъестественного. Вы лучше меня знаете: важнее всего ваше расследование, оно – основа всего. Такие люди, как я, не творят чудес. Мы просто отработываем разные точки зрения, вот и все.

Алексис поднялся, взял свой пуховик.

– Спасибо за кофе, – едва слышно пролепетал он.

Уже в дверях Микелис ухватил его за плечо.

– Не притворяйтесь, будто нечаянно забыли досье, я не буду его смотреть, – сказал он, засовывая в руки жандарму толстую красную папку. – Я же сказал: я вышел в отставку, теперь все это меня не касается. Счастливого пути.

Еще мгновение Алексису казалось, что надежда есть. Микелис слишком часто повторял, что вышел в отставку. «Мо-

жет, убеждает сам себя?»

Однако весь его вид подтверждал бесповоротность принятого решения. Хватка на плече Алексиса ослабла.

Прежде чем тронуться в путь, молодой жандарм посмотрел в зеркало заднего вида. Он увидел, как отодвинулась занавеска в одном из окон. И почти физически ощутил на себе пристальный взгляд криминолога. «Опель-корса» развернулся на гравии и поехал прочь от фермы, затерянной в горах.

Он попытал счастья, он съездил к лучшему из лучших.

Теперь Алексис знал, что они могут рассчитывать только на себя. Они – это небольшая группа следователей жандармерии. Никто не придет к ним на помощь, не протянет спасительной руки, никто не вдохнет свежую, живительную струю в их расследование. Горстка мужчин и женщин против группы неизвестных, с чудовищной одержимостью ставящих под своими преступлениями одну и ту же подпись.

*e.

Лампа дневного света затрещала и осветила небольшой кабинет, выделенный Алексису Тиме для работы. Как всегда по утрам, молодой жандарм сначала машинально включил компьютер, а потом поставил рюкзак у стенки и налил себе апельсинового сока из пакета, стоявшего в ящике стола. Ему нравилась рутина, она успокаивала.

Стену за его спиной украшал сине-белый флаг с эмблемой «Нью-Йорк джайантс», команды по американскому футболу, за которую он болел с некоторым даже излишним фанатизмом, о чем свидетельствовали фотографии игроков с автографами, развешанные вокруг клубного знамени, шлем, лежащий на столе возле экрана компьютера, и куча другого мерча – брелок для ключей, ручки, подставки под стаканы, коврик для мыши и даже кружка, из которой он пил. Целая прорва сине-бело-красных предметов с неизменными буквами NY занимала большую часть помещения, где Алексис сидел с двумя своими коллегами.

Серый свет октябрьского утра робко проникал в два окна с поднятыми жалюзи. Алексис увидел на стекле свое отражение. Каштановые волосы, торчащие в мнимом беспорядке, вечная трехдневная щетина, карие глаза и старая куртка-милитари поверх толстого коричневого свитера. Выглядел он сегодня неважно. Как неудачник. Как проигравший.

От собственного отражения взгляд перешел на фасад здания напротив, на той стороне бульвара Даву, около «Порт-де-Баньоле» в Двадцатом округе Парижа. Туманное, скучное утро. То утро, когда хочется валяться в постели и смотреть телик, пока постель не перегреется и телу не надоест лежать. Или можно залечь с книжкой. Мечтать об отпуске.

И еще в такое утро накатывает хандра.

За окном по двору казармы кто-то шел: это приближалась Людивина. Ее светлые кудряшки, подпрыгивающие при каждом шаге, можно было узнать за полкилометра.

Тут в кабинет вошли, и Алексис махнул рукой лейтенанту Дабо – рост метр девяносто пять, телосложение профессионального регбиста. Глаза у лейтенанта были даже чернее его кожи. Как и все следователи парижского отдела расследований (между собой называемого ПО), он большую часть времени работал в штатском и в то утро был одет в спортивные штаны и теплую толстовку с капюшоном и вышитой на груди шерстяными нитками надписью *Eye of the Tiger*². Любимая толстовка очень ему шла и подчеркивала внушительную мускулатуру.

Сеньон Дабо сел на рабочее место – сиденье закряхтело под тяжестью исполинского тела – и включил свой компьютер, одновременно стягивая наушники и убирая айпод.

– Ну, как там «Джайантс»? – спросил он басом.

Алексис не ответил; он знал, что великан все еще витает в

² «Глаз тигра» (англ.).

тумане своих мыслей и не помнит, что его младший коллега накануне отсутствовал из-за поездки к Ришару Микелису.

Вошла Людивина, держа в руке мобильник и не сводя голубых глаз с маленького сенсорного экрана.

– Не найдешь ты себе парня, пока не перестанешь жить в обнимку с телефоном! – насмешливо приветствовал ее Сеньон.

– Да есть у меня парень. И даже не один...

– Их не беспокоит, что ты чаще общаешься в чате, чем с ними?

Людивина показала ему средний палец и убрала айфон, заметив стоящего у окна Алексиса.

– Алекс! Ну как? Что ответил Микелис?

Сеньон тоже внезапно проснулся:

– Ой черт, и правда! Что сказал?

Алексис досадливо мотнул головой:

– Придется действовать без него.

– А что? – спросил Сеньон.

– Завязал! И бесповоротно. Не хочет больше пачкать руки. Теперь это его не касается.

– Ты обрисовал ему дело?

– В общих чертах.

– И он ничего не сказал? Ничего не предложил?

– Только посоветовал знакомого – опытного криминолога.

– Ну и мудак! – бросила Людивина, отправляя пуховик на вешалку.

Алексис задержал взгляд на спортивной фигуре молодой женщины. Узкие джинсы обтягивали ее потрясающую попу, а грудь выступала даже под свитером *Abercrombie*. Смотреть на нее было сплошное удовольствие. Но в то утро даже фигура Людивины не смогла вызвать у него положительные эмоции.

За семь месяцев совместной работы эти двое и цапались, и дразнили друг друга, и засыпали от усталости бок о бок, привалившись голова к голове, но между ними никогда ничего не было.

– Продвинулись вчера? – спросил Алексис.

– Я закончила обрабатывать телефонные номера, – ответила блондинка, затягивая волосы в узел на затылке.

– Полностью?

– Да. Пять дней сплошного ада.

По каждому преступлению жандармы собирали от всех телефонных операторов полный перечень номеров, подключавшихся к ретрансляторам в районе места преступления в течение суток до и после убийства. Сотни тысяч комбинаций затем вводились в специальную компьютерную программу *Analyst Notebook*, которую использовал отдел расследований. Все имена, фигурировавшие в протоколах допросов, все транспортные средства, адреса и телефоны таким образом сводились воедино и при совпадении сразу высвечивались. Если человек мог что-то упустить за месяцы расследования, то машина сбоев не знала.

Алексис восхищенно присвистнул. Коллега даром времени не теряла.

Он залпом допил сок и обвел взглядом комнату. Нужно как-то сосредоточиться. Отбросить несбыточные надежды вчерашнего дня. Десять дней они мечтали, как будут работать с Микелисом, пока это не стало навязчивой идеей. Наконец Алексис отправился убеждать начальство, что, несмотря на гражданский статус, надо подключить криминалога к расследованию – в силу его исключительной компетенции, непревзойденного опыта; к тому же существовала реальная угроза новых смертей, а следователи не понимали, в каком направлении двигаться. Начальство пошло им навстречу. И вот теперь все псу под хвост.

Сеньон уже смотрел электронную почту, опершись локтями о кипу бумаг, накопившихся за несколько недель посреди расставленных повсюду фотографий жены и двоих детей. Великан чувствовал себя в этом беспорядке вполне комфортно. У него накапливалось все: нераспечатанные письма, диски с фильмами, которые он заказывал на работу, но никак не успевал посмотреть, обожаемые им комиксы, которые он даже не распечатывал, пустые упаковки из *Amazon*; эта пестрая стена заслоняла его от кровавой реальности, с которой он работал ежедневно. То была его защита, кокон.

Людивина организовывала свое пространство совсем по-другому. Никакого личного декора, идеальный порядок, сверкающая лаком поверхность письменного стола. Отки-

нувшись в кресле, скрестив руки на груди, молодая женщина в упор смотрела на Алексиса. Ее золотые кудри, рассыпавшиеся по спинке, обрамляли миловидное лицо с очень белой кожей. Волосы, непокорно торчащие во все стороны, как кусты на заросшей аллее сада, лезли в рот и свивались вокруг ее голубых, холодных глаз. Она ждала. Ждала продолжения.

Алексис был координатором их ячейки и держал связь с двумя другими офисами этажом выше, которые тоже работали над делом *e.

Трое жандармов прочесывали интернет в поисках всяких сомнительных форумов, где символ *e мог что-то означать. Другая группа собирала все отчеты потенциальных свидетелей, допрошенных за последние три месяца: сотрудников АЗС, соседей с мест преступления, родственников погибших, – все шло в дело. Тысячи листов протоколов разбирались на мельчайшие детали, и постепенно в программу заносились все параметры, которые считаются важными: в основном имена собственные, а также названия мест, компаний, учебных заведений и так далее.

И никакого намека на след.

Они изучили дела всех извращенцев, освобожденных из мест заключения с начала года, потом проделали ту же работу с психиатрическими учреждениями. Они разослали циркулярные письма во все отделения жандармерии и во все полицейские участки на территории страны, прося доводить до них малейшую информацию о насильниках или людях с сек-

суальной девиацией. Пока – никаких свежих новостей. Никакой конкретики.

Вернее, конкретика у них была – сама картина преступлений.

И жертвы.

Пять трупов.

Алексис развернул стул к стене, огораживающей комнату.

Она была вся обита пробкой. Сотни документов, прикнопленных бок о бок. Распечатки гугл-карт по каждому месту преступления, фотографии жертв – только прижизненные: здесь никто не играл в киношных детективов и не вывешивал жутких фотографий убийств, никому не хотелось целый день видеть эти ужасы. Под фотографиями крупными буквами был записан возраст, профессия, место проживания каждой жертвы и несколько хронологических пометок. У подножия траурной панорамы стопками лежали все полезные папки – досье каждой жертвы, отчеты о вскрытии, необходимые протоколы, лабораторные отчеты...

– Ты успела проверить досье сексуальных преступников? Там нет людей с правами на вождение грузовика? – спросил Алексис у девушки, не сводившей с него глаз.

Все три места преступления Зверя находились не далее тридцати километров от автомагистрали А4, что навело Алексиса и его коллег на мысль о дальнобойщике. Он знал, что среди серийных убийц регулярно встречаются две профессии. Две профессии, которые особенно импонирова-

ли этим редким преступникам. Профессии, абсолютно противоположные. Первая предполагала оседлый образ жизни и общительность, вторая – любовь к одинокой и кочевой жизни.

Врач и дальнобойщик.

– Все это мы сегодня прошерстим вместе с Сеньоном. Но я все равно считаю, что идея плохая. Судя по следам автомобильных шин, Алекс, он не дальнобойщик. Скорее, просто человек мобильный, легкий на подъем, ему не в лом проехать десятки километров в поисках добычи.

– Но трасса А4 проходит красной нитью по всем его убийствам, это не случайно. Он ее хорошо знает, или чувствует себя на ней в безопасности, или... Ну, я не знаю! В любом случае это след. Нельзя ничем пренебрегать. А еще надо собрать сведения обо всех, кто обслуживает трассу на интересующих нас участках, и ввести их тоже в программу. На всякий случай. Я просмотрю оставшиеся записи видеокамер с придорожных стоянок и СТО. Не может быть, чтобы туда не заехал ни один «твинго» первой модели!

– А если расширить временные рамки? – предложил Сеньон.

– То есть?

– До сих пор мы собирали номера телефонов и видеоматериалы за сутки до и после убийств. А что, если судмедэксперты ошиблись на день? Представляешь, а вдруг весь облом из-за этого и мы изначально ищем не в том временном

диапазоне?

Алексис пересек небольшой кабинет и ткнул пальцем в фотографию одной из жертв Зверя.

– Аня Прену, предположительно погибла в ночь с 16 на 17 июля. Объявлена семьей в розыск 16-го числа в конце дня, двоюродный брат встретил ее на улице около 18:00. Больше ее никто не видел. Потом утром 17-го мальчик по дороге в школу нашел ее останки. Тут никак не может быть ошибки.

Алексис сделал шаг в сторону и указал на пухленькую девочку-подростка с челкой, спадающей на очки, на блеклом снимке, увеличенном с фото на документе.

– Софи Ледуэн, ужинала с родителями вечером 22 августа. Ушла ночевать к подруге около 9 часов вечера. Обнаружена лишь десять дней спустя туристами. В ее случае судмедэксперт высказался вполне определенно, поскольку имеется сильное разложение. Показать фотографии? Опарыши в ней так и кишели, – казалось, что труп шевелится! Сотни личинок, из которых уже вылупились мухи, то есть прошло несколько циклов. Стояла жара, но энтомолог утверждает, чтобы получилось такое количество насекомых и тело было в таком состоянии, требуется не менее восьми-десяти дней. И в ее случае мы расширили временные рамки до двух суток.

Алексис сделал еще шаг назад и указал на третью, и последнюю жертву Зверя.

– Армель Кале. Здесь, конечно, временные рамки прибли-

зительнее. Подруга говорит, что видела, как Армель поджидала клиентов у леса днем 14 сентября, потом о ней никто не слышал, пока не нашли останки. Но и здесь судмедэксперт практически уверен, что смерть наступила не позже 15-го числа. Мы не станем начинать все сначала и терять еще десять дней, потому что усомнились в экспертных заключениях.

– Почему мы в основном концентрируемся на Звере? – спросил Сеньон. – Почему не на другом, Фантоме?

– Потому что там два преступления в городской среде и ни одной зацепки. Он чрезвычайно осторожен. Ничего не оставляет на волю случая. И очень хладнокровен.

– Но в городе как раз больше шансов найти свидетеля!

– Я уже в это не верю – мы сделали максимум в плане расследования. Если мы и найдем улики, то на Зверя. Он импульсивнее, не так хорошо владеет собой, как тот. Наверняка он делает ошибки.

Сеньон широко раскрыл глаза и с сомнением поджал губы.

– Хотелось бы надеяться! А то мы плаваем в открытом океане, кишашем акулами, и ни одного корабля, идущего к нам на помощь, капитан!

– Всему свое время, Сеньон, всему свое время. Парень не гений, он не родился в рубашке. Обязательно что-то будет. Всегда что-то найдется. Оно лежит у нас под носом, главное, искать – внимательно и упорно.

Людивина наблюдала за Алексисом из-под светлых кудряшек. С начала разговора она не пошевелилась.

– Видишь, ты справляешься не хуже Микелиса, – сказала она ему с заговорщицкой улыбкой. – Так что мы ничего не потеряли.

Алексис пожал плечами.

Он двигался через это море насилия наугад, ощупью, медленно, шаг за шагом, не зная, где он и куда тащит за собой девятерых людей, которые занимались этим делом с утра до ночи. Микелис же знал океан лучше, чем кто-либо.

Нет, если подумать, Микелис сам был океаном.

Его разум пропускал через себя каждую крупницу насилия, как молекулу воды. Он понимал язык насилия. И подобно тем гроссмейстерам, которые видят на несколько ходов вперед, Микелис охватывал преступный мир в целом и царил на шахматной доске. В этом была его сила.

Алексис вздохнул и снова сел на стул.

Он-то даже не умел играть в шахматы.

* * *

Незадолго до шести вечера троица подняла голову от экранов компьютеров и досье, услышав торопливые шаги в коридоре. Дверь распахнулась, и появилось по-детски пухлое лицо Лионеля Тейкса, одного из следователей.

– Бегите срочно смотреть новости ВФМ, ребята! Бросайте

все!

Все вскочили и ринулись в большую комнату к висящему на стене телевизору.

На экране мелькали кадры репортажа.

Станционная платформа. Мечущиеся в панике фигуры людей. Вой сирен, красные и белые сполохи мигалок пожарных машин. Лица, искаженные страхом, горем, непониманием. Картины паники. И мужской голос за кадром, бесстрастный, как бы контрастирующий с происходящим, отчетливо выговаривающий каждое слово, словно это могло снизить градус кошмара: «...На данный момент причины случившегося не определены. По словам первых свидетелей, действовал молодой человек, одетый в толстовку с поднятым капюшоном, закрывавшим лицо. По словам нескольких очевидцев, он нервно ходил по перрону в ожидании прибытия поезда. В момент, когда поезд подходил к платформе, парень столкнул на рельсы троих человек, в том числе женщину с ребенком в коляске. Важная деталь: прежде чем совершить свой безумный поступок, юноша, по показаниям ряда свидетелей, оставил на стене вокзала особый знак. Напоминаю, что, по последним сведениям, юноша убил четырех человек, включая младенца, а затем сам бросился под поезд, прибывавший к соседней платформе».

Сеньон взглянул на Лионеля Тейкса:

– Гадость какая... Зачем ты...

– Смотри!

Камера развернулась и сфокусировалась на стене станционного здания.

На кирпичной кладке баллончиком был нарисован символ. Диаметр не меньше метра. Звездочка и буква.

*e.

Великан откинулся на спинку сиденья.

– Черт... Это какая-то эпидемия!

Сирены умолкли, не было даже мигалок. Только резкий свет неоновых огней на платформах и более тусклый, почти желтый, свет лампочек на вокзале.

Главный вход перегораживали пожарные машины, и еще пластиковые ленты, наспех закрепленные на фонарных столбах, чтобы загородить проход.

Алексис, Сеньон и Людивина показали удостоверения, и дежуривший у входа полицейский на мгновение заколебался. Он не привык видеть на своей территории жандармов и уж тем более в штатском.

– Парижский отдел расследований, – просто уточнил Алексис. – Ваше начальство в курсе, их предупредили о нашем приходе.

Людивина натянула пуховик на подбородок, чтобы спрятаться от холода. Октябрьский ветер обдувал непромокаемую ткань.

Мужчина впустил их без дальнейших формальностей, одновременно подошел офицер судебной полиции – лет тридцати, небритый, короткостриженный, в черном бомбере.

– Вы из парижской жандармерии? Как мило, что приехали полюбоваться бойней.

– Спасибо, что пригласили, – парировал Алексис.

– Говорят, у вас есть объяснение поступку этого психа? –

сказал он, открывая дверь.

– Вас дезинформировали. Зато нас интересует граффити, которое он сделал перед тем, как прыгнуть под поезд.

Внутри маленькой станции царила ужасная суета, пахло кофе, дезинфекцией и потными телами. Психологи, психиатры и медсестры отделения срочной медико-психологической помощи работали с дюжиной мужчин и женщин, которые еще пребывали в состоянии шока, и среди них – совершенно невменяемый молодой человек, который безостановочно кивал. Несколько пожарных уселись за импровизированный стол и пустили по кругу термос с чаем. Тут впере­мешку толпились полицейские, местные журналисты с фотоаппаратами на груди вместо пресс-карт, множество представителей муниципалитета и региональных властей.

Офицер провел трех жандармов сквозь толпу и пальцем указал на стену между дверью и кассовым окошком.

**e.*

Размером с плакат.

Буква была нарисована красным аэрозольным баллончиком. На высоте человеческого роста.

Зловещий загадочный росчерк.

– Он что-то сказал? Свидетели слышали? – спросила Людивина.

– Нет. Спасатели сразу занялись пострадавшими, наши коллеги старались собрать как можно больше свидетельских показаний, но на данный момент ясно только, что действо-

вал молодой человек и что он вел себя очень нервно.

– Личность установили? – спросил Сеньон.

– Еще нет. Понадобится какое-то время.

Офицер судебной полиции повернулся к путям и посмотрел на белый шар, сиявший вдали, как полуденное солнце. Поверх платформ, нависавших над рельсами, светили переносные прожекторы, установленные на высоких штативах. В их лучах темнели склоненные фигуры спасателей, работавших на путях. У одних лица были почти зеленые, другие, спотыкаясь, ходили вокруг. Двое укладывали на спасательное одеяло, расстеленное на краю платформы, что-то вроде большого окорока. Были и другие куски мяса, некоторые – упакованные в темную пленку. Обрывки одежды.

– Парень не промахнулся, – снова заговорил офицер. – Обычно, если человек попадает под поезд, ему отрезает руки-ноги... Если умеешь складывать пазлы, можно все быстро собрать. Но тут он прямо нырнул головой. Все всмятку. Что осталось – перемололо колесами. Все кости раздроблены. Кожа внутрь, мясо нару...

– Мы поняли, спасибо, – остановил его Сеньон.

Людивина, увидев еще четыре солнца на другом пути, спросила:

– А другие жертвы?

– Мать и младенец опознаны по документам, еще одного человека назвала присутствовавшая на месте родственница. По последней жертве еще ждем.

Алексис протянул свою визитку с дописанным от руки мобильным номером:

– Я направлю официальный запрос, но если вы пришлете мне все, что найдется, фамилии всех погибших и копию интересных свидетельских показаний, это сэкономит нам время.

Офицер кивнул.

– А что у вас вообще за дело? Что это за рисунок? Какая-то ячейка анархистов?

– Пока не знаем, но знак обнаружен на нескольких трупах.

На этот раз офицер вытаращил глаза:

– Прямо так? Ну тогда... выходит, у нашего парня это не первое дело?

– Возможно, – подтвердил Алексис.

Он хотел проявить максимум дружелюбия, чтобы выудить сведения у полицейского, но при этом самому не наговорить лишнего.

Сеньон указал пальцем на камеру наружного наблюдения.

– А пленки с записями забрали?

– Да, как раз собирались вечером заказать пиццу и сесть посмотреть. Но если вам интересно, у нас уже есть полное видео.

Троица впиалась в него жадным взглядом.

– Ладно. Похоже, вам оно нужно позарез. Пошли.

Он провел их в дальнюю часть вокзала, в душный кабинет, куда набилось человек шесть. Почти все сидели, уткнув-

шись в телефоны. Офицер попросил у них один из айфонов и передал его жандармам.

– Один девятнадцатилетний пацан заметил парня, который показался ему странным, и стал снимать его на телефон, когда тот рисовал граффити на глазах у всех.

Маленький экран ожил. На нем возникла фигура, одетая в спортивные штаны и черную толстовку, капюшон был натянут на голову поверх кепки, так что виднелся один козырек. Съемка велась сзади, человек наносил свой таинственный рисунок, а люди вокруг ошеломленно смотрели, но не решались что-то сказать. Сделав дело, парень выкинул аэрозольный баллончик и ринулся в ближайший подземный переход. На этом видео заканчивалось.

Разочарованный Алексис открыл было рот, чтобы поблагодарить коллегу за видео, но тот коснулся экрана и запустил вторую запись.

– Свидетель увидел, как таггер выскакивает на противоположной платформе, и снова начал снимать. Эта часть гораздо лучше.

От парня в капюшоне камеру теперь отделяли два ряда рельсов. На противоположной платформе было полно народу. Таггер неотрывно смотрел вдаль в ожидании поезда. Его левая нога отбивала судорожный ритм. Большая часть лица была скрыта капюшоном, но жандармам удалось разглядеть подбородок и рот. Парень кусал губу.

Небольшие вокзальные часы, черные с желтыми цифра-

ми, показывали 17:12. Люди вокруг не обращали на юношу никакого внимания, думали о чем-то своем, смотрели в экраны мобильных, в книгу или в журнал, увлеченно беседовали. Все старались убить время, совершенно не замечая того, кто с минуты на минуту круто изменит их жизнь.

А парень не стоял на месте. Он ходил взад-вперед по платформе, высматривал на горизонте появление поезда и наблюдал за окружающими. Его козырек, как птичий клюв, попеременно нацеливался то на одного, то на другого. Словно перст судьбы, ищущий, кого обречь на смерть.

– Во сколько это случилось? – спросил Алексис.

– Инцидент? Поезд прибыл в 17:14.

Внезапно юноша тронулся с места и медленно пошел вперед, всматриваясь в толпу. Камера слегка развернулась и последовала за ним. Изображение временами казалось чуть размытым, но относительно устойчивым, автофокус срабатывал быстро.

Таггер остановился за спиной у пожилой женщины, которая держалась за стальную вертикальную стойку. Он осмотрел стоящих вокруг нее людей, затем пошел дальше.

– Как будто ищет кого-то конкретного, – бесстрастно прокомментировала Людивина.

Внезапно юноша замедлил шаг. Он задержался позади двух ребят лет десяти, которые беззаботно болтали. Парень повернул голову направо, налево. Вокруг детей образовалась некая пустота. Они как будто оказались одни.

Идеальные жертвы, поймал себя на мысли Алексис.
Чуть в стороне от толпы. Легко вытолкнуть.

Небольшие часы вдали теперь показывали 17:13.

Таггер потер лицо и снова принялся странно расхаживать. Он медленно прошел позади женщины, машинально качавшей коляску. Рядом с ней стоял мужчина лет тридцати, одетый модно и дорого, с огромными стереонаушниками – в таких можно слушать музыку, словно ты один во всем мире. В этот момент парня чуть не сбил с ног какой-то человек лет сорока в костюме и галстукe – он бесцеремонно отпихнул юношу в сторону и встал на краю платформы.

Таггер выпрямился, его козырек медленно скользнул к затылку мужчины. Тот явно очень спешил на поезд.

Капюшон повернулся вправо, затем влево и снова обратился к спине мужчины.

17:14.

Алексис увидел, как по толпе прокатилась волна возбуждения: вдали послышался гул приближавшегося поезда.

Таггер придвинулся к человеку в костюме, оказавшись всего в нескольких сантиметрах от него.

Шум локомотива и скрежет стальных колес о рельсы становились все громче, перегружая телефонный динамик.

Внезапно мужчина оказался в воздухе. Выброшенный толчком вперед, он раскинул руки в стороны, словно пытается взлететь, на его лице застыли изумление и ужас.

В ту же секунду парень схватил стоявшую рядом женщи-

ну и тоже швырнул ее на рельсы. Она рухнула в пустоту сразу, увлекая за собой коляску, откуда выпала маленькая белая фигурка и одеяло, – вокруг раздались первые крики.

Модник едва начал замечать, что во внешнем мире за пределами его наушников и музыки что-то происходит, как таггер схватил его за плечи и толкнул вниз.

В этот момент мать ребенка с криком вставала на ноги. Она не успела подбежать к младенцу, как огромная масса заслонила правую часть экрана. Человек в костюме широко раскрыл рот, и тут на него налетел локомотив.

И разом подмял под себя.

Потом мощным ударом сбил женщину – Алексису показалось, что она мгновенно разлетелась на части. Меломан же не успел долететь до земли, как поезд, разможив одним махом все кости, отпасовал его к краю перрона, как мяч.

В следующую секунду поезд заполнил почти весь экран, и его грохот частично заглушил крики толпы.

Камера упала, и стала показывать пол и носок поношенной белой кроссовки.

Все случилось менее чем за две секунды. Таггер действовал точно и решительно. Ни малейшего колебания. Никто даже не успел вмешаться или остановить его.

Офицер положил руку на экран, чтобы забрать телефон.

– Дальше там та же картинка длится несколько минут, пока свидетель не сообразил остановить съемку. Ничего интересного.

Алексис посмотрел на Людивину и Сеньона. Последний поднял брови и скривился.

– Жуть, – процедил он.

Полицейский кивнул и добавил:

– По словам очевидцев, после этого парень развернулся и бросился под поезд, который шел во встречном направлении, с другой стороны платформы. Никто ничего не мог сделать.

– Свидетели видели, как он прибыл на станцию? Пешком, на машине? – спросил Алексис.

– Насколько я знаю, нет. Думаю, у нас будут все протоколы допросов к завтрашнему дню. Дальше мы все просмотрим, и тогда...

– Долго планируете разбираться? – снова вступила Людивина, старательно улыбаясь, чтобы вопрос звучал не так саркастически.

– Учитывая, какой кошмар тут случился, СМИ будут стоять у нас над душой, ну и префект тоже, так что нет, будем работать быстро, не волнуйтесь.

– Пришлите отчет по видеозаписям с камер вокзала, если не сложно, – вмешался Сеньон.

Офицер кивнул. На его лице стало проступать раздражение.

– Самое главное для нас сейчас – установить личность таггера, – заключил Алексис.

Полицейский помахал его визиткой:

– У меня есть ваш номер и электронная почта, буду пересылать информацию сразу по мере получения. Можете рассказать чуть больше о трупях с таким же рисунком?

– На данный момент информации не так много, – солгал Алексис. – Если это вам поможет, я подготовлю краткий пересказ дела, когда мы узнаем чуть больше. Спасибо, что приняли нас. Завтра ждем от вас новостей. Держитесь, удачи!

Алексис дружески похлопал его по плечу и махнул своим людям на выход.

– Что думаете? – спросила Людивина.

– Псих-малолетка! – немедленно ответил Сеньон. – Ставлю десять евро, что он на учете в какой-нибудь психбольнице!

Людивина пристально смотрела на Алексиса, тот не отвечал.

– А ты как считаешь? – не отставала она.

– Что-то не клеится. Дело какое-то мутное. Вы видели, как тщательно он выбирал своих жертв? Сначала думал взяться за старушку, потом за двух ребят и в конце концов остановился на женщине с коляской.

Троица вышла за ленточное ограждение и направилась по привокзальной площади к машине.

– И главное, выбрал мужика, который его толкнул, – заметил Сеньон.

– Тут я сомневаюсь. Его он сбросил в отместку. Мне кажется, по-настоящему его привлекла женщина с коляской.

– Может, он ненавидит женщин и детей.

Алексис покачал головой, поморщившись:

– Не думаю, что дело в этом. Смотри, что он делает, прежде чем убить их. Он рисует на стене граффити на глазах у всех. Как будто хочет заявить что-то всему миру. Если приглядеться к его жертвам, то получается как бы... идеальная семья. Он замахивается на базовые понятия: женщина с ребенком, бизнесмен и красивый молодой человек. Успешный отец, идеальная мать и отличные дети.

– Думаешь, он хотел ударить по самому больному месту?

Людивина закивала:

– Алекс, пожалуй, прав. Он тщательно выбирал своих жертв. Не абы кого. Атаковал то, к чему общество наиболее чувствительно.

– Поищем среди радикалов? – предложил Сеньон. – Леваки, крайне правые, анархисты? Запрошу завтра в ГУВБ³ все сведения по этим группировкам. И правда, мы же не спросили, вдруг у них что-то есть по нашему символу!

– Так и сделаем.

– У тебя расстроенный вид, – заметила Людивина. – Это видео тебя так накрыло?

Алексис открыл дверцу «Пежо-206», но остался стоять.

– Да все вместе. Сначала двое парней режут людей в разных концах страны, потом фотографии для педофилов, а теперь еще это? Полковник хочет расследовать дело по-тихо-

³ Главное управление внутренней безопасности Франции.

му, чтобы не объясняться с политиками и СМИ, – я согласен, так лучше, но нам одним тут не справиться. Надо задействовать жандармерию в целом. Нужны эксперты, ресурсы и дополнительный персонал. Это огромное, неподъемное дело! И пока все идет в таком темпе, говорю вам, нас ждут новые сюрпризы!

Сеньон стоял у машины с другой стороны.

– Хочешь надавить на полковника?

Алексис поколебался, потом показал подбородком на станцию:

– Для начала надо будет надавить тут, чтобы вытащить максимум информации по этому парню. Его компьютер, мобильник, все.

– Полиция не отдаст дело.

– Это проблема полковника, пусть решит вопрос со следственным судьей. Наша главная цель – преступник. Он наверняка где-то или у кого-то научился рисовать свой символ. Я хочу раскопать, что он значит. Мы же искали дверь в мир этих чокнутых – теперь мы ее нашли.

Алексис в последний раз взглянул на привокзальную площадь, освещенную фонарями с желтоватыми лампочками. Вдалеке над крышей станции ярким светом горели белые шары.

Молодой жандарм представил, какой яркой и насыщенной выглядит кровь в свете прожекторов. Почти глянцевой.

За свою недолгую карьеру Алексису довелось повидать

немало всяких ужасов. Порой совершенно безумных. Но здесь бессмысленность свершившегося не укладывалась в голову.

В глазах стояло лицо матери, понимающей, что все кончено. Для нее и для ребенка. Ее отчаянный крик. На видео не попал момент, когда локомотив смял ее тело, но Алексис легко мог это представить. Жесть.

Должно быть, в этом мальчишке жила какая-то ненависть, если он так сильно хотел отомстить миру. И ненависть его была тотальной. Абсолютной.

Смертельной. Принадлежащей не только ему.

Жгучая ненависть. Бесповоротная.

Фанатичный культ разрушения. Боли.

Желание заставить мир страдать вместе с собой.

Алексис глубоко вздохнул и сел за руль. В конце концов, если вдуматься, это не безумие. Парень все рассчитал. Он хотел вызвать потрясение. Заставить общество содрогнуться.

Это была месть.

Алексис захлопнул дверь.

Вдалеке кто-то разговаривал.

Мягкие, спокойные голоса. Приятные.

Они звучали все громче.

Алексис с трудом разомкнул веки – за время сна они как будто скукожились и теперь едва прикрывали глаза. Он потер их, словно пытаясь размять, что-то буркнул. Никак не проснуться. Голова словно ватная. Его еще обволакивал уютный кокон теплого одеяла, и только щеки, как зонд, ощущали прохладный воздух квартиры.

Накануне он засиделся допоздна. Все никак не мог выключить лампу. У Алексиса бывали приступы тревожности – в такие периоды он боялся момента, когда в темноте придется лечь головой на подушку, остаться наедине с реальностью, осознать свое одиночество. Именно в эти минуты так называемого отдыха ему вспоминалось все самое плохое. Подспудно и коварно. Сначала мелкие гадости, которые обычно отравляют быт: проблемы с деньгами, бачок унитаза, текущий уже, наверно, месяца два, и то, что он сам уже месяца полтора-два не звонил матери, не спрашивал, как она живет, а еще – не ответил на электронные письма от друзей, и вообще, достала его вечная холостяцкая жизнь, тридцать лет – и ни жены, ни ребенка на горизонте... Потом, когда ему удавалось прогнать все это прочь, когда разум освобождался

от превратностей реальной жизни, в этом полуоцепенении, в преддверии сна, когда душа проваливалась в темноту, появлялись мертвецы.

Они приближались медленно, издалека, как тени, почти робко возникая в мозгу.

А когда их фигуры полностью вторгались в пространство мысли, было уже поздно. Алексис уже не мог заснуть. Он снова видел людей, которых он обнаруживал убитыми, или тех, чьи жизни изучал буквально под лупой, их насильственные смерти снова и снова преследовали его в минуты, когда он оказывался беззащитен. С опытом Алексис понял: призраки существуют. Они прячутся в зазоре между бодрствованием и сном. Это пространство между двумя мирами, где сознание медленно сползает в бессознательное, тонкая неохраняемая граница, где человек еще смутно видит вещи, уже не контролируя мысль.

А ведь призраки питаются одиночеством живых: оно напоминает им их собственное состояние.

Алексис ненавидел засыпать в одиночестве. И при этом ценил уединение, возможность работать допоздна, а в остальное время гулять с коллегами или читать комиксы, играть в компьютерные игры и, главное, смотреть в интернете матчи по американскому футболу. И все равно, чтобы прогнать призраков, ему нужно было засыпать рядом с кем-то. Алексис не хотел принимать снотворное, он предпочитал знакомиться с девушками в барах, иногда оплачивать ви-

зит какой-нибудь эскортницы, которая уходила, едва он засыпал. Все эти женщины, чьи имена он забывал с рассветом, занимали какое-то место в его жизни и значили больше, чем мимолетный выплеск энергии. На какой-то миг их человеческое присутствие успокаивало его. Тепло их тел действовало на него, как наркотик, естественный антидепрессант. Их души были гомеопатическим лекарством от хандры.

Голоса из радиоприемника говорили об американской политике. О выборах.

Алексис встал и потянулся.

В то утро в его постели никого не было. Вот почему он так плохо спал. Даже во сне тепло лежащего рядом человека как-то примитивно успокаивало.

Он пошел напрямик в ванную, чтобы принять душ и смыть с кожи ошметки сна. Провел тыльной стороной ладони по запотевшему зеркалу и отмахнулся от идеи бриться.

Держа в руке дымящийся кофе в кружке «Нью-Йорк джайантс», Алексис смотрел, как просыпается Двадцатый округ Парижа. В окнах зажигались огни, словно квартиры распахивали глаза в новый день.

Субботнее утро, начало октября.

У него, как и у всех его коллег по отделу расследований, выходного не будет. Особенно после того, что произошло вчера днем на железнодорожной станции Эрбле, тихого пригорода, который внезапно оказался на первых полосах газет. Особенно если у тебя пять серийных преступлений, фото-

графии растления малолетних, а теперь еще и убийство четырех человек с последовавшим самоубийством.

Придется весь день дергать полицейских, чтобы установить личность таггера, а полковник отдела расследований будет заседать на судью, гробить выходные, чтобы взять дело в свои руки.

Алексис жил в десятиэтажном жилом доме, стоявшем прямо в расположении казармы. Унылая многоэтажка, в которой проживали пятьдесят четыре жандарма с семьями, – замкнутый душный мирок. Алексис вышел из холла, пересек двор и вошел в здание жандармерии, где на втором этаже находился его кабинет.

Людивина уже сидела перед двумя мониторами своего компьютера: на одном были открыты различные соцсети, на другом висели последние сообщения ФБР, которые она читала.

– Ты что, вообще не спишь? – сказал Алексис, протягивая к ней сжатый кулак. Людивина отсалютовала ему тем же жестом, стукнув по кулаку сверху.

– Спят лентяи, – ответила она, не отрываясь от экрана.

– А не спят невротики.

– Судя по темным кругам под глазами, главный невротик – ты сам.

Он досадливо мотнул головой:

– Всегда последнее слово должно остаться за тобой, да? Ну, что нового за ночь?

– Ничего. Я уже запросила новости у вчерашнего офицера. Послала ему три сообщения за час. Думаю, он понял срочность.

В дверном проеме появилась массивная фигура Сеньона. У него в руках виднелся конверт формата А4.

– Ты уже на работе? – удивился Алексис.

У великана были мешки под глазами.

– Я сходил наверх к Сирилу. Мы получили одонтологический отчет по укусам, которые Зверь нанес своим трем жертвам.

– Нашли ДНК вокруг ран? – сразу спросил Алексис.

– Ничего, что годилось бы в работу.

Сеньон вынул несколько розовых листов и помахал ими. Алексис узнал их, даже не читая. Бланки одонтологической идентификации Интерпола. Типовые формуляры. Розовые – для покойников. Для живых, например при исчезновении человека, использовались желтые формуляры.

– Эксперт установил, что следы укусов по всем трем преступлениям совпадают. Каждый раз одна и та же челюсть.

– Насчет этого мы и не сомневались, – хмыкнула Людвина.

Не выпуская из рук розовую стопку, Сеньон перелистал страницы отчета, испещренного рисунками диаграмм и карандашными пометками.

– А вот тут интересно. Он пишет: «Зубная дуга имеет необычную форму, аналоги небной топографии отсутствуют».

Коллеги в недоумении переглянулись.

– Получается, у парня какой-то дефект? Заячья губа? – с надеждой спросила Людивина.

Алексис присел на угол стола молодой женщины. Возможно, им улыбнулась удача. Деформация зубов – это даже лучше, чем татуировка или шрам на теле, это почти как настоящий отпечаток пальцев преступника. Надо будет разослать циркуляры каждому дантисту в стране, в каждую больницу, и рано или поздно с большой вероятностью всплывет карточка пациента.

Сеньон снова заговорил, но выглядел он по-прежнему мрачно:

– Рано радуетесь, вы послушайте, что там дальше: «Расположение зубов, а также скопление кусательных зубов (резцов и особенно клыков) наводит на мысль об их принадлежности животному. Челюсть очень крупная и нетипичной формы, но по основным характеристикам ближе к челюсти человека, чем зверя, хотя и здесь следует делать выводы с осторожностью, настолько уникальна данная картина в целом». Затем он переходит к техническим деталям. «Возможно, мы имеем сочетание макродонтии (предположительно, вследствие гипертрофии гипофиза), геминации, а также удвоения, хотя скопление...»

– Короче! Это укусы человека или какой-то зверюги? – раздраженно спросила Людивина, во всем любившая ясность и конкретику.

– Это явно человек и никто другой. Непонятно, как бы он смог возить с собой животное и заставлять его кусать. И зачем такие сложности?

– Он не первый сумасшедший, который нам...

Сеньон прервал их, чтобы договорить:

– В заключении врач предлагает нам искать среди пациентов эстетической стоматологии. Оказывается, такое даже модно – у готов. Они вставляют себе коронки странной формы или подпиливают зубы так, чтобы получились клыки, а есть экстремалы, которые вообще затачивают себе все зубы под акулу. Эксперт говорит, что мода распространена главным образом в Англии и Германии и гораздо реже встречается во Франции. Однако все равно он сомневается, что это может быть челюсть человека из-за своеобразной конфигурации неба, разве что речь идет о серьезной деформации.

– По-моему, интересная зацепка, – подытожил Алексис, выхватывая розовые листки. – Разошлем это по факсу всем. Такой рот достаточно уникален, чтобы о нем не было записей у какого-нибудь стоматолога или в каком-нибудь медучреждении.

– Гипотезу о животном не рассматриваем? – удивился Сеньон.

– А как ты ее объяснишь? Что за животное?

– Не знаю, можно обратиться за помощью к ветеринару или к зоологу, к специалисту в зоопарк, нет?

Людивина покачала головой и согласилась с Алексисом:

– Извращенец с огромным букетом навязчивых фантазий, который получает такое удовольствие от убийства, что ему хочется убивать снова и снова, – думаешь, он станет возиться с какой-то живностью? Зачем ему это? Заставлять ее кусать своих жертв? Это же просто... тупо, а?

– Но мы знаем, что у женщин вырваны целые куски мяса, отгрызены! По-моему, уж легче вообразить, что их пожирает зверь, чем человек с деформацией рта!

– Перестань, это уже ни в какие ворота, – парировала Людивина. – Никто и никогда не использовал для реализации своих фантазий диких зверей.

– А вдруг у нас что-то новенькое, – возразил Сеньон.

– Как ты это себе представляешь? Притащить животное, каким бы оно ни было, – причем явно не псинку, а скорее медведя или льва, судя по размеру укусов, – а потом натравить его, заставить кусать, и это притом, что на месте преступления мы не нашли ни малейшего его следа, ни даже клочка шерсти? Есть пределы даже у криминального гения и у самого изощренного ума. Мы не в кино, Сеньон!

Алексис помахал розовыми листками:

– Пока сосредоточимся на гипотезе о человеке. Оттиск челюсти рассылаем по всем стоматологам и стоматологическим учреждениям.

Сеньон поднял руки в знак капитуляции:

– Ты начальник. Я пишу отчет.

Он вернулся за свой стол, чтобы вкратце изложить выво-

ды одонтолога и вставить в общее досье.

Его рука легла на мышь, но вместо файла расследования он почему-то открыл браузер *Firefox*.

Появилась страница поиска *Google*.

Он ничего не мог с собой поделаться.

Через несколько секунд Сеньон оказался на сайте Национального музея естественной истории.

Жозеф Селима́.

Личность таггера выяснилась в конце дня: позвонил все тот же офицер судебной полиции. Двадцать лет. Безработный. Бездомный.

Неоднократно привлекался за различные кражи, нападения, хранение наркотиков и неповиновение полиции. Единственный указанный адрес – психиатрическая лечебница, куда периодически попадал Селима.

У парня были отмечены паранойя, нарушения психики, а иногда и приступы буйного помешательства. «Последний такой приступ привел к гибели четырех человек, после чего сам Жозеф покончил с собой», – подумал Алексис.

Просмотрев все возможные файлы, которые выдавал компьютер после ввода имени таггера, он резко встал.

– Ты куда? – спросила Людивина.

– В Нейи-сюр-Марн, там психиатрическая клиника, где лежал Селима.

– Это в субботу-то вечером?

– Если поторопиться, я успею раньше полиции и получу первую информацию о нашем парне. Может, там остались его личные вещи.

Сеньон вздохнул и тоже встал.

– Я поеду один, – остановил его Алексис. – Ты иди домой,

к семье, хватит с вас работы на сегодня.

Людивина схватила со стула свой пуховик:

– Меня-то никакой муж не ждет, так что я с тобой.

* * *

Быстро стемнело. Даже солнцу не хотелось задерживаться на горизонте в такое время года. «Опять этот зазор, – подумал Алексис. – Между сознанием и сном, между днем и ночью. Территория призраков, которую даже природа не хочет расширять без особой нужды».

Двигаясь по указателям, в конце концов жандармы добрались до нужного места. Психиатрическая клиника в Нейи-сюр-Марн называлась обтекаемо: «Государственное учреждение по охране психического здоровья „Виль-Эввар“». Алексис припарковал служебный «Пежо-206» без опознавательных знаков жандармерии перед довольно старым бежевым зданием с высокими белыми окнами. Неровный свет уличных фонарей придавал красной черепице на крыше какой-то зловещий оттенок.

Место было пугающе тихим. Ни звука, ни людей вдалеке, хотя Алексис ожидал, что еще на подходе к этому «логову сумасшедших», то есть, в общем, к месту, где содержится несколько сотен пациентов со сложными патологиями, будут слышны крики. Он не любил больницы, тем более те, что связаны с психическими заболеваниями. Эта сфера внушала

ему тревогу, перед ней он чувствовал себя бессильным.

Сначала они спросили в приемном покое, куда идти, и наконец, раз шесть показав свои удостоверения, встретились с врачом, который лечил Жозефа Селима.

– Опять все свалят на нас, – сказал доктор Гален, когда два жандарма объяснили ему ситуацию. – Стоит пациенту сорваться и что-то натворить, как тут же обвиняют психиатров! Они плохо работают! Но не я сочиняю законы. Я не могу держать человека в больнице против его воли до бесконечности!

– Что за человек был этот Селима? – спросила Людивина.

– Послушайте, учитывая тот кошмар, который он устроил, я готов дать вам кое-какие сведения не для протокола, но никаких показаний не подпишу, ясно? Без письменного запроса из суда доступ к медицинской документации не предоставляется.

– Ясно, – кивнул Алексис.

Доктор Гален провел их в небольшое помещение с кучей стеллажей и коробок с лекарствами, которое он открыл своим ключом и закрыл, когда все оказались внутри.

– Жозефа Селима я хорошо помню, – начал врач, понизив голос, – очень замкнутый мальчик.

– Был, – добавил Алексей.

– Да, вы правы... Был. Абсолютный асоциал, в семье его били, родственников он не видел года четыре, насколько я знаю, – несчастный парень, предоставленный сам себе, не

имеющий ориентиров, страдающий расстройством личности, неконтактный...

– Вы говорите о нем как о жертве, – удивился Алексис.

– Жертве своей патологии? Несомненно. Судя по его немногим рассказам о себе, жизнь у него была, можно сказать, чертовски паршивая. Поймите меня правильно, мне тоже Жозеф Селима не казался ангелом: лгун, импульсивный, безответственный, лишенный эмпатии, угрызений совести, – короче говоря, абсолютный социопат.

– Он долго у вас лежал? – спросила Людивина.

– Много раз лежал по несколько недель.

– Принудительно по решению суда?

– В первый раз – да. А потом по собственному желанию.

Я думаю, ему здесь нравилось. Ну... насколько человеку может нравиться мысль, что его лечат от психического заболевания. Здесь, в отличие от других мест, он находил людей, готовых его выслушать. Он отсиживался, приходил в себя и вдруг снова исчезал.

– А с другими пациентами общался? – спросил Алексис.

– Нет, он держался в стороне. Жозеф был молчун. Меня он отличал, между нами даже возникло подобие дружбы, доверие. Но я был одним из немногих его контактов.

– А с остальным медперсоналом как? Может, выходил на улицу покурить с санитарями? Клеился к медсестрам?

– Думаю, вы не совсем представляете, каким был Жозеф Селима. Ведь мы говорим об одиночке, настоящем социопате.

те. Человеке, способном просидеть десять дней, никого не видя, даже не открывая рта. Ему не было скучно, наоборот! Он совсем не пытался кому-то понравиться или даже найти сочувствие. Если нужна сигарета – требовал ее, и все. Он вырос в среде, где не было любви, где семейное общение ограничивалось поркой ремнем и криками, – представьте, какой характер в результате получился.

Тут вмешалась и Людивина:

– Вы не знаете, были ли у него знакомые на стороне?

– Он об этом не говорил. Парень жил одним днем, он, знаете ли, был не из тех, кто планирует будущее. Он встречался с какими-то мужчинами и женщинами, но у него не было друзей, если вы об этом. Я думаю, он бы сказал мне, если бы кто-то был.

Алексис открыл рот, чтобы задать новый вопрос, но Людивина опередила его:

– Давно он лежал тут в последний раз?

– В начале года, кажется. Восемь или девять месяцев назад. Он пробыл дней десять-пятнадцать, я не помню.

– И в каком состоянии? – спросил Алексис.

– Усталый. Вымотанный. Селима приезжал к нам пару раз в год, когда ему становилось совсем не вмоготу.

– Он тогда не говорил вам о мрачных мыслях, тяге к убийству? – поинтересовалась Людивина.

– Мрачные мысли у него были все время. Что же касается тяги к убийству, то нет, он о таком не упоминал. Но его

тайный мир был как дебри Амазонки – темная, непролазная чаща!

– И с тех пор вы ничего о нем не слышали?

Встреча плавно переходила в допрос. Два жандарма чередовали вопросы, не давая Галену ни минуты покоя, и доктор начал терять терпение.

– Нет, ничего, – сказал он со вздохом.

– Вы знаете, на что он жил? – спросил Алексис.

– Случайная работа, оплачиваемая черным налом, и, между нами, наверняка кражи или грабежи. У него явно не было больших потребностей, кроме как выкурить косяк, к тяжелым наркотикам он никогда не притрагивался, тут я ему верю. Насколько я знаю, ни квартиру, ни коммунальные услуги он никогда не оплачивал.

– А где жил?

– В каком-то сквоте, в Сен-Дени. Ну, по крайней мере, мне так всегда говорил.

– Вы знаете адрес?

– Он должен быть в моих записях, я могу найти, и, если вы оставите мне мейл, секретарь пришлет вам...

– Лучше прямо сейчас, – не отставал Алексис.

Психиатр пристально посмотрел на молодого жандарма.

– Мы расследуем ряд убийств, – пояснил Алексис. – Не исключено, что Жозеф Селима связан с убийцами. Каждый час на счету, пока эти ребята на свободе.

Гален глубоко вздохнул, с шумом втянув воздух через

ноздри:

– Я сделаю все, что смогу. Подождите меня в вестибюле.

* * *

Простая табличка с названием городка. Никакой границы, отделяющей его от таких же по соседству. Городишко без каких-то особых отличий. Городишко, который рос, как недолюбленный ребенок в большой семье, без внимания и ласки. Какие-то детали и пласты быта сбились вместе без логики и связи, без желания или любви – этого главного связующего раствора для прочной, долговременной спайки. Старые лянлые фасады, здания с облупившейся краской, полусгнившие остовы домов, а рядом – современные сверкающие башни, отсутствие эстетики, плотный строй высотных домов, а возле них пустыри, где растет лишь мусор и всякий хлам.

Один из многих городишек департамента Сена-Сен-Дени.

Алексис смотрел на проплывающие мимо окна, – словно бесконечная пленка кинофильма, они отражались в стеклах маленького «пежо». И сердце снова сжималось при мысли о детях, живущих в этих трущобах. Они росли в полуразрушенных кварталах и привыкали любить свою клетку, они дрались за свою территорию. Каким же отверженным надо быть, чтобы полюбить такое место. Местная шайка становилась их семьей. Заменой семьи. Чтобы просто жить. Чтобы чувствовать себя живым. Быть частью клана. Неужели в этих

высотках не нашлось родителей, способных дать детям базовые ценности, чтобы те не искали их в насилии?

«Что за избитое клише...» – подумал Алексис, покачивая головой.

От работы у него иногда голова шла кругом. Порой он прибегал к подобным упрощениям и потом вечерами вспоминал, удивляясь и ужасаясь самому себе. И задумывался, до чего он дойдет с годами. Когда накопится усталость. Притупятся чувства. Он станет выбирать прямолинейные выводы, решения, лежащие на поверхности, искать удобных козлов отпущения, чьи лица можно поставить на судебный бланк с изображением Марианны, символа Французской республики. Конечно, не стоит обелять личность преступника, но все же. Нельзя искать легких путей. Словно ты стоишь на краю пропасти и чувствуешь, как нарастает головокружение, как засасывает пустота, и хочется рухнуть в нее, потому что так проще, не нужно бороться, сражаться, есть простой выход – плыть по течению. Поддаться зову пустоты. Отречься. Выбрать простое решение после стольких лет борьбы, попыток разрубить гордиев узел черно-белых суждений, свойственных политическим партиям, СМИ, расхожим мнениям.

На этом играли экстремисты. На усталости, вымотанности. Иногда Алексис боялся, что его работа подтолкнет его к такому упрощенному радикализму. Слишком близкий контакт с насилием приводил к тому, что человек тонул в нем.

В каком-то смысле он понимал Ришара Микелиса, который бросил все, отказался от того, к чему имел настоящий дар. Чтобы сохранить себя. Любить близких. Сбереечь ту крупицу любви, которую не задавило в нем насилие.

Людивина сбавила скорость и въехала в переулок, обрамленный ужасно ветхими двухэтажными домами. Проехав ржавый ангар из листового железа, машина остановилась перед большими каменными блоками, перегораживавшими улицу. Метрах в двадцати, посреди пустыря, усеянного обрывками афиш, разломанными тележками из супермаркета, рваной одеждой и ржавыми автомобильными деталями, стояло здание. Все в трещинах, вход забит досками, сплошь покрытыми граффити.

Алексис с Людивиной условились провести операцию, которая на их жаргоне называлась «обыском по-мексикански». Дело парня, покончившего жизнь самоубийством на вокзале, по закону находилось в компетенции полиции, поэтому у парижского отдела жандармерии не было полномочий проводить расследование самостоятельно, но ни Людивина, ни Алексис не собирались бросать след, способный вывести к убийцам. Если они что-нибудь найдут, то оформят все задним числом и вернутся сюда на законных основаниях.

Фары «Пежо-206» едва освещали здание, угадывался лишь его контур.

– Бывали у меня паршивые субботние вечера, но этот, судя по всему, побьет все рекорды, – сказала Людивина, пыта-

ьясь разрядить обстановку.

Двое жандармов вышли из машины, осматриваясь вокруг, чтобы убедиться, что явной опасности нет, и стали подбираться к сквоту.

– Можно я скажу ужасную вещь, услышав которую только моя коллега не сочтет меня больным? – спросил Алексис и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Как подумаешь, что Жозеф Селима жил здесь, так сразу понимаешь, отчего он пошел на убийство и потом покончил с собой.

Это было произнесено пошловато-шутливым тоном, но в глубине души он и сам не был уверен, то ли он несет эту чушь, чтобы скрыть тревогу, то ли действительно так думает.

– Надеешься найти что-то из вещей? – подхватила Людивина. – Думаю, зря мечтаешь. В таком месте нормальная вещь долго не пролежит.

На подступах к зданию Алексис достал из кармана куртки-милитари фонарик и осмотрел доски, которыми были забиты окна и двери. Они решили обойти здание кругом, и Людивина постоянно оглядывалась: не прячется ли кто-нибудь в высокой траве. Коварный октябрьский ветер стелился по земле и внезапно поддувал снизу, холодный и бесстыжий, лез под одежду, старался достать до кожи, выстудить тело.

Алексис резко остановил Людивину, схватив ее за предплечье:

– Послушай.

– Что? Это ветер.

– Нет... Внутри. Мне слышались голоса.

Деревянные детали сквота скрипели при каждом порыве ветра. Гул дальнего города не давал расслышать звуки в доме, и Алексис, придвинувшись, приложил ухо к одному из заколоченных окон.

Он простоял так долгую минуту, пока коллега у него за спиной вглядывалась в окрестности, ей было беспокойно.

– Ну как? – спросила она.

– Ничего не слышно.

Алексис начал дергать доски, ища какой-нибудь лаз, и вскоре обнаружил целую секцию, которая открывалась достаточно широко, чтобы в нее мог протиснуться человек.

– Пистолет при тебе? – спросила Людивина.

Он кивнул и похлопал по бедру под курткой. Изнутри пахло мочой и каким-то еще более едким запахом, похожим на хлорку. Жандармы сразу узнали его: это был крэк, производное кокаина, вызывающее быстрое привыкание, с характерным запахом.

Луч фонарика серебристым зрачком обшаривал темноту, исследуя скопища мусора, щебня, испорченных грязных матрасов, поблескивающих осколков стекла от пивных бутылок или дешевого вина.

Каждую стену покрывал целый ковер из граффити, наполняющих друг на друга, создавая настоящий лабиринт с непонятными указаниями и бредовыми подсказками. Алексис не знал, что и думать. Местами настенные росписи были покры-

ты коричневыми полосами или же красными пятнами, возможно следами крови, и складывались в странные иероглифы. Казалось, здесь идеальное место для преступлений.

Всюду едко воняло экскрементами.

Весь этот тухлый мир раскрывался постепенно: выхватываемый на мгновение лучом фонарика, он снова погружался во мрак, пока Алексис осматривал пространство вокруг.

Пол верхнего этажа заскрипел, и с потолка грязным дождем полилась струйка пыли.

Людивина положила руку на пистолет, но Алексис, почувствовав ее нервозность, сжал ее запястье.

– Слишком темно. Оставь пистолет на месте. Не хватало нам сегодня наломать дров.

Он первым шагнул туда, где, казалось, был коридор, и пошел к лестнице. Не успев направить фонарик вверх, он тут же остановился и нагнулся, пытаясь что-то разглядеть или хотя бы расслышать.

С отчетливым щелчком он выключил фонарик, все погрузилось во тьму.

Людивина придвинулась ближе.

– Ты что де...

И умолкла, различив слабый свет, идущий от верхних ступеней. Дрожащие отблески.

Пламени.

Они стали медленно подниматься, стараясь не скрипеть ступеньками, хотя добиться полной тишины не удавалось,

и наконец вышли на широкую площадку – пять комнат без дверей. В той, что была напротив, горели свечи. Алексис положил ладонь на рукоять телескопической дубинки. Готовый к любому повороту событий, он с предельной предосторожностью двинулся вперед.

Куски картона вместе с грязными полотенцами были кучей навалены на кусок пенопласта, служивший широкой лежанкой, в окружении полдюжины зажженных свечей. Стены покрывали те же загадочные знаки, что и на первом этаже, пол был так же усыпан мусором.

Здесь меньше воняло испражнениями, но запах хлорки ощущался гораздо сильнее.

В центре импровизированной кровати лежали трубки для крэка и все, что нужно для его потребления.

Алексис заметил кучку одежды и поношенный рюкзак. Он указал Людивине на эти личные вещи.

Ни он, ни она не заметили фигуры, вставшей у них за спиной.

Длинные грязные волосы, свисающие дредами.

Костлявое лицо, удлинённая челюсть, тонкий острый нос.

Потрескавшиеся губы мужчины приоткрылись, обнажив чёрный рот с обломками зубов. Что-то темное окаймляло его губы, словно размазанная во все стороны помада.

Его выпученные глаза горели безумием. Из полумрака сверкали белки. Лицо перекошено. Почти пародия на человека.

Он занес руки над двумя жандармами.

Вместо пальцев торчали шприцы.

Иглы целились в них, как когти, – длинные и блестящие
в танцующем свете свечей.

Он улыбался. Огромный рот. Фанатически горящий
взгляд.

Маска безумного клоуна.

Обезумевший клоун возбужденно зашевелил пальцами, и стук шприцев заставил Алексиса оглянуться.

Краем глаза он успел заметить, что рука с торчащими иглами уже занесена над ним.

Локоть жандарма ударил клоуна в рот с такой силой, что раздался треск, словно разбилось что-то фарфоровое. Мужчина согнулся пополам, выплюнув струйку липкой крови и несколько осколков зубов.

Тут Алексис разглядел шприцы, примотанные к пальцам клоуна коричневым скотчем. Не желая рисковать, он сразу заломил ему руки и сомкнул наручниками за спиной. Удивление и шок вскоре рассеялись, раздались крики связанного.

Человек стал выворачиваться, но Алексис прижал его к стене, стараясь не пораниться.

– Не двигаться! – скомандовал жандарм.

Людивина снова взялась за рукоять оружия, нервно приглядываясь к двум другим входам в комнату.

Мужчина снова завопил на разрыв голосовых связок. Это был безумный крик. Крик связанного животного, чующего близкую гибель. Невыносимый звук, словно ввинчивающийся в барабанные перепонки.

– Тихо! – прикрикнул Алексис. – Эй, ты! Замолчи!

Но голос клоуна перешел в хрип.

– Проклятье, да он не в себе! – выругался молодой жандарм, указывая на трубки крэка.

– Алекс, я думаю, здесь есть кто-то еще. Он ведь не мог вколоть это все себе одному!

– Ты видела, в каком он состоянии? Я бы не удивился.

Крик внезапно перешел в плач. Глубокие, отчаянные рыдания.

– Ты успокоишься или нет? Послушай, все, что мне нужно, это информация о парне, который тут отсиживался. Ты меня слышишь? Эй!

Алексис встряхнул наркомана за ворот и посильнее прижал лицом к стене, чтобы разом прекратить истерику и заставить себя слушать.

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне о Жозефе Селима. Потом я тебя отпущу, понял?

Но парень все так же хныкал.

– Черт, – выпалил Алексис.

– Мы ничего от него не добьемся. Привяжи его вон к той трубе, мы его обыщем.

Жандарм оттащил незнакомца к стене и пристегнул пластиковыми стяжками к двум железным трубам, проходившим внизу.

Он похлопал парня по щекам, чтобы привлечь его внимание.

– Жозеф? Припоминаешь? Жозеф Селима? – спросил он громче, чтобы заглушить рыдания.

При этих словах в соседней комнате что-то опрокинулось, и кто-то со всех ног пробежал по этажу.

На площадку выскочила фигура.

Тут же следом бросилась Людивина.

– Лулу!.. – крикнул Алексис, пытаясь ее удержать.

Напрасно. Девушка уже вылетела из комнаты, она быстро двигалась, быстро реагировала. Ей удалось схватить беглеца за капюшон толстовки, когда тот выскочил на лестницу, и резко дернуть к себе. Остановившись на полном ходу, он тут же развернулся, наугад выбрасывая кулак. Людивина отбила его рукой и нанесла ответный удар правой в скулу.

При этом ее нога поднялась, а колено врезалось нападавшему между ног – тот согнулся от боли. Потом взметнулось другое ее колено, но попало не в печень, а в таз. В следующий момент Людивина уже держала в руке наручники. Она обездвигила незнакомца, застегнув их на его запястьях, и сразу поставила его на колени.

Она тяжело дышала, скорее от стресса, чем от физического напряжения. Несколько светлых прядей выбились из-под резинки, которая стягивала их в наспех сооруженный пучок, и теперь качались у нее перед лицом, как стрелка метронома. К ней постепенно возвращалось спокойствие.

Алексис стоял в дверях, открыв рот от восхищения и изумления. Все произошло так быстро. Он знал, что его коллега много занимается спортом, она фанат единоборств, но демонстрация мастерства впечатляла.

Людивина только начала осознавать случившееся, ее переполняли эмоции. Это было видно по глазам, по тому, как она дышала или сглатывала слюну.

– Ты в порядке? – спросил Алексис.

Она кивнула, не глядя на него.

– По крайней мере... он не уйдет, не поговорив... сначала с нами, – сказала она, еще не отдышавшись.

Алексис схватил незнакомца за подбородок, чтобы заставить его посмотреть на себя. От слепящего света фонарика тот жмурился и пытался увернуться. Парень лет двадцати пяти, бритые виски, на макушке что-то вроде гребня, серьги, татуировки на шее, тощий до смерти. Запавшие глаза.

– Куда это ты собрался?

Молодой наркоман не отвечал; в основном он уворачивался от слепящего света.

– Почему ты хотел смыться? Есть что рассказать нам?

Людивина присела на корточки, чтобы быть с ним лицом к лицу.

– Это имя Жозефа Селима тебя так напугало? – спросила она мягче, чем Алексис.

На этот раз черные зрачки скользнули в сторону жандарма. У них за спиной клоун продолжал рыдать.

– Знаешь его? – не отставала она.

– Против тебя лично мы ничего не имеем, – добавил Алексис. – Нас интересует только Жозеф. Ты, в общем-то, свободен.

– Не хочу в лечебный центр, – хрипло сказал молодой человек.

– Вот и отлично, у нас своих дел полно, кроме как везти тебя лечиться, – ответил Алексис. – Расскажи о Жозефе, и мы отвалим.

Парень с трудом сглотнул. Ее скула начала краснеть и опухать.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась Людивина.

– Фред. Но все зовут Питбулем.

– Ты ведь знаешь Жозефа?

После недолгого колебания Питбуль кивнул.

– Он часто здесь отсиживался?

– Ага.

– Что можешь о нем сказать? Каким он был?

– Стремным.

– Тогда я тебя успокою: он мертв, – сообщил Алексис. –

Вчера покончил с собой.

Новость, казалось, не тронула молодого панка, он только засопел.

Вокруг них скрипел сквот, ветер свистел в окнах.

– Почему ты считал его стремным? – настаивала Людивина.

– Он... он на самом деле стал стремным. Правда.

– А что, раньше был не такой?

– Вообще, он был тихий. Но какое-то время назад стал... странным, совсем.

– В каком смысле? Что-то делал странное?

– Говорил странно. Раньше мы иногда болтали, ходили вместе на де...

Панк понял, что сказал лишнее, и прикусил губу.

– Раньше вы ходили вместе на дело, – договорил Алексис. – Нам плевать, не волнуйся. Нас интересует только он, а же сказал. Ну так что? Чем он так тебя застремал?

Питбулю было трудно говорить открыто. Он держался настороженно – типичный наркоман. Алексис стал настойчивее вытягивать из него слова:

– Слушай, либо ты осчастливишь нас и выложишь все, что знаешь, и тогда ты проведешь остаток ночи здесь, спокойно, без нас, либо я закрою тебя на пару суток, чтобы ты не мог ширнуться. Посмотрим, в каком состоянии ты будешь завтра вечером! Поверь, в четырех стенах без дозы ты скоро захнычешь, как тот дебил!

Страх ломки, страх остаться без привычной дозы снял все барьеры – зависимость была сильнее любой дружбы, любых страхов, любых тайн, и Питбуль сдался.

– Он изменился. Раньше он был неразговорчивый, но ничего парень. Ему можно было доверять. Ну, почти. Больше, чем обычно доходягам, которые здесь оказываются. Но в последнее время он изменился. Он перестал разговаривать. Только ругался на всех, оскорблял. Гаш с нами почти не курил. В нем появилась... самоуверенность. И... ненависть. Настоящая ненависть. Не такая, как у всех нас... Чувствова-

лось, что он вот-вот сделает что-то жуткое. Он покончил с собой? Честно? Я даже удивлен. Думал, он готовит что похуже! Скажем... похищение детей из школы или что-то в этом роде.

– А он что, говорил тебе об этом?

– Нет, но когда изредка говорил со мной, то прямо... жуткие вещи. Я сам анархист, для меня не проблема спалить всю систему! Но он ненавидит людей. Это было нечто!

– Ты знаешь, что с ним случилось? Что его так изменило? – спросила Людивина.

– Его новые знакомые. Он познакомился с какими-то мутными людьми, точно говорю.

– Кто такие?

– Не знаю, он не говорил. Я только знаю, что пару месяцев назад он познакомился с каким-то типом и тот стал его новым приятелем. Этот парень плохо на него повлиял.

Людивина и Алексис обменялись понимающими взглядами.

– Имя знаешь? – спросил жандарм.

– Нет.

– Ты его видел?

– Ни хрена я не видел. Джо о нем не говорил. В самом начале обмолвился, а потом – все. Но знаю, что виделся он с ним часто.

– Где они познакомились?

– Да сказал же, понятия не имею! – завелся наркоман. –

Ничего не знаю!

Алексис быстрым движением схватил его за ухо:

– Будь паинькой и отвечай на вопросы! Если я сочту, что мало узнал, то отведу тебя в камеру, и там ты почувствуешь все прелести ломки, поверь мне!

– Но я же вам все рассказал! Ничего не знаю! Джо урод! Якшался с какими-то упырями!

Почувяв, что тут есть что-то еще, Алексис решил действовать настойчивей; надавив парню на саднившую скулу, он повысил голос:

– Какие еще упыри? Я думал, там был только один. Что еще сказал тебе Жозеф?

Питбуль тяжело задышал, нервно потирая подбородок о плечо.

– Дозу хочется? – Алексис усмехнулся. – Чем раньше ты выдашь мне все, что знаешь, тем быстрее мы расстанемся. Впрочем, чего ты боишься? Жозеф мертв!

– Их много! – прошептал наркоман.

– Как это?

– Джо был у них под колпаком. Я уверен.

– С чего ты взял?

– Он постоянно говорил о них.

– О ком это?

– Я не знаю! Он никогда не называл их по имени! И... и он взял с меня слово.

Борясь с нерешительностью Питбуля, Алексис наклонил

голову, сделал взгляд еще более грозным.

– На самом деле он заставил меня поклясться. Под угрозой.

– Угрозой чего?

Наркоман с трудом сглотнул слюну. Он обратил свои темные зрачки к жандармам, как бы прося о помощи.

– Он сказал, что, если я не стану это делать, они придут и заберут меня. И мне будет больно.

– Кто придет? Что ты должен делать?

– Поддерживать свет.

Питбуль попытался встать, но ему мешали наручники. Алексис взял его под локоть, помог подняться. У парня прощупывалось каждое ребро грудной клетки.

Панк медленно прошел в комнату возле лестницы и указал на тяжелую доску, прислоненную к стене.

– Отодвиньте ее, – сказал он.

Алексис отодвинул доску и с трудом нащупал края двери без ручки: из-за граффити их почти не было видно. Подцепив край ногтями, он открыл дверь и увидел то, что когда-то было ванной. Плитка, сбитая почти везде, мерзкая грязная ванна, дыры вместо унитаза и раковины.

Несколько десятков свечей медленно догорали, согревая комнату.

Свечи были повсюду. На полу, на малейшем выступе.

Там, где раньше висело зеркало, виднелась пожелтевшая стена.

И на ней – огромный красный символ.

*e.

Дрожащий голос Питбуля зазвенел, перекрывая завывания ветра:

– Это какая-то религия. Он приказал мне жечь свечи, пока я жив. Иначе они придут и будут меня мучить. Это гребаная религия. И они ее фанатики.

Дети с криками гонялись друг за другом, тряся игрушечными пистолетами. Казалось, они не замечали холода. Они играли в войну, несмотря на все протесты родителей, играли так, словно это было сильнее их, и сейчас, воскресным утром, когда осеннее солнце изо всех сил пыталось согреть землю, эта природная потребность заполонила всю центральную аллею Ботанического сада, расположенного в самом сердце Парижа.

Летиция Дабо, высокая блондинка с волосами, собранными сзади лентой, обняла своего мужа Сеньона.

– Почему у тебя всегда такие... странноватые идеи? – спросила она.

– Странноватые? – переспросил басом великан.

– Например, есть мороженое в стужу или водить детей гулять в парк в сибирские холода! Я предлагала то же самое три недели назад, когда была хорошая погода, а ты сказал, что тут скучно!

– Только дураки не меняют своего мнения. Посмотри на детей! Им нужно было выплеснуть энергию.

Натан и Лео, близнецы-метисы, бегали среди другой малышни. Спонтанно образовался целый клан. Девочки сами потихоньку отошли, чтобы найти игры поспокойней. А тут все вопили, смеялись, обменивались всякими игрушками,

пластиковыми пистолетами, иногда по-дружески мутузили друг друга, а потом радостно «убивали» под настороженными взглядами девочек, обсуждавших кукол или готовку.

«Да уж, много еще придется поработать пацифистам и феминисткам над изменением поведения человека! Оно постепенно стало частью его генов, – подумал Сеньон, наблюдая за происходящим. – Интересно, – спрашивал себя жандарм, – был ли человек от рождения инстинктивно жесток, склонен к войне, скор на убийство, благодаря чему поднялся на вершину пищевой цепи, или же он стал жестоким по мере развития цивилизации, помечая свою территорию, подчиняя других, все более входя во вкус собственности и власти? Было ли насилие присуще человеческому роду или стало результатом поведенческой эволюции? Ведь ни один живой организм до сих пор не вел массовую войну против большого количества себе подобных, не стремился к истреблению другого, да еще и представителя той же расы».

Сеньон очнулся от размышлений, увидев, что Летиция заговорила с соседкой по скамейке. Ну, теперь у них беседа минут на десять, не меньше.

Удачный момент. Он засунул руку под пальто и нащупал картонную папку. Он нагнулся к жене:

– Детка, пойду поищу туалет – ты присмотришь за малышами?

Он поцеловал ее в лоб и смылся.

Иногда он винил себя за то, что привирает жене. Не обо

всем ей рассказывает. Но реакция жены бывала непредсказуемой. Так что иногда приврать по мелочи не страшно. Да она и не поймет, даже если ей все рассказать. Он и так в последнее время нечасто появляется дома... А тут еще в разгар семейного досуга хочет улизнуть, чтобы поработать сверхурочно, пусть и совмещая работу с детьми... Летиция такого не простит.

Он заранее посмотрел маршрут в интернете и легко ориентировался между аллеями, огибая здания Музея естественной истории. Он все подготовил. Краткая пояснительная записка, ксерокопии досье, заключение одонтолога и, главное, рисунок следа челюсти, сделанный экспертом. Сеньон приближался к своей цели – галерее сравнительной анатомии. Он узнал старый фасад из красного кирпича, напоминающий церковь. Поспешно вошел в холл и, предъявив служебное удостоверение, спросил у администратора, где можно оставить папку с документами для одного из профессоров музея. Невысокая дама с иссиня-черными волосами знаком пригласила его следовать за ней и повела в коридор, закрытый для публики.

– В воскресенье здесь никого нет, – предупредила она его.

– Вот поэтому я ищу ячейку или надежного человека, чтобы передать папку профессору Добагяну. Это ведь он главный специалист по анализу скелетов и челюстей животных? Так мне сказали вчера по телефону.

– Да, она. Это женщина. Слушайте, в этом я не разбира-

юсь. А вот, кстати, и нужный вам человек, – сказала она, подходя к стойке регистрации, возле которой стоял мужчина в рабочем халате. – Этот месье – жандарм, у него письмо для профессора Добагян, ты возьмешь?

– Если хотите, ее помощница сейчас на месте, – ответил мужчина. – Второй этаж.

Сеньон посмотрел на часы. Летиция, наверно, уже думает, что он слишком задержался. Он вздохнул и попросил провредить его в кабинет.

Посреди скрипучего паркета и бесчисленных полок с пыльными коллекциями, большинство из которых было даже старше самого здания, жандарм увидел женщину, склонившуюся над большой стопкой сшитых вместе листов. Ей было едва за тридцать, волосы небрежно завязаны в хвост, одета в рабочий халат, из-под которого торчали джинсы и толстый свитер с высоким горлом. Массивные очки не скрывали веснушек, усеивавших ее бледное лицо.

В воздухе пахло старым деревом и воском.

Сеньон быстро представился и протянул папку.

– Вчера я говорил с сотрудником музея, и мне сказали, что профессор Добагян лучше всех может определить, какому типу животного принадлежит эта челюсть.

– Жандармерия теперь занимается и животными?

– Одно довольно сложное дело.

Ассистентка посмотрела на Сеньона поверх очков и протянула руку. Она быстро пролистала папку и замерла, рас-

сматривая фотографии некоторых ран. Ее лицо вдруг посуровело.

– Что это? Кто-то подвергся нападению зверей?

Она открыла следующую страницу с более крупными снимками. Масштабы трагедии были хорошо видны. Все в крови. Обнаженное мясо. Лоскуты кожи. Бедро. И без сомнения, бедро человеческое.

– Господи... – прошептала она.

– Извините, наверно, не стоило прикладывать это фото, но я думал, что это как-то поможет...

На следующих страницах были представлены инфракрасные изображения, схема расположения зубов и, наконец, примерная реконструкция челюсти убийцы.

Рыжеволосая женщина подняла голову.

– В чем дело? – встревожился Сеньон.

– Это и есть ваш зверь? – спросила она, похлопав по ризунку.

– Да. А что?

Она покачала головой:

– Вас разыграли, да?

– Что?

– Это подделка. Шутка. Над вами решили пошутить, не так ли?

– Почему?

Теперь она смотрела на него серьезно.

– Это не шутка? – снова спросила она.

– Все очень серьезно.

Брови ассистентки профессора полезли на лоб.

– Потому что вряд ли это существует в природе. Не бывает челюстей с такими параметрами. Но я, должно быть, ошибаюсь... – Она снова посмотрела на рисунок.

– Это может быть человек? – спросил Сеньон. – Со значительной деформацией?

– При таком уровне отклонений это уже не деформация. Это монстр! – невозмутимо пошутила исследовательница. – Послушайте, я могу ошибаться, я передам ваше дело профессору Добагян, у нее больше опыта, чем у меня, и она свяжется с вами в ближайшее время. Договорились?

– Превосходно.

Она проводила его до двери комнаты.

– Вы уверены, что это не розыгрыш?

– Исключено. Как вы уже догадались, фото взято из уголовного дела.

Помощница с серьезным видом скрестила руки на груди.

– На первый взгляд это не похоже ни на что известное. Я специализируюсь на сравнительной анатомии млекопитающих и, учитывая размер и характер повреждений, предполагаю, что речь идет о млекопитающем. Однако я никогда не встречала подобной челюсти.

– Так что это может быть?

Она сделала легкую гримасу, показывая, что именно к этому и ведет:

– Мировое открытие! Уникальный вид животного. Но если хотите мое мнение, челюсти такого размера у животного просто быть не может. Значит, кто-то где-то над вами посмеялся.

Сеньон стиснул зубы.

– Даже так?

– Если только вы не верите в снежного человека и все такое.

Жандарм досадливо цокнул языком.

Он кивком попрощался с женщиной и поспешил по деревянному коридору обратно. Вот и весь результат.

Мобильник звякнул, пришло сообщение.

Летиция меня точно распнет.

Писал Алексис.

«Есть новости. Общий сбор сразу после полудня. Если сможешь, приходи...»

На этот раз можно не сомневаться: Летиция его убьет.

Клер Нури было двадцать восемь лет, и она обладала тем удивительным обаянием, что заставляет, например, в комнате сразу обращать внимание на человека даже с самой обычной внешностью и чувствовать его присутствие. Тип женщины, которая притягивает взгляд, привлекает какой-то незаурядностью, а не чертами лица. Шесть часов занятий спортом в неделю помогли ей вылепить идеальное тело, правильное питание и тщательный выбор одежды сделали ее самой стильной, привлекательной и популярной в той небольшой компании, где она работала бухгалтером.

Она была не замужем и только что закончила трехлетние отношения с одним парнем, с которым познакомилась в интернете. Их история началась с бурного романа, затем мало-помалу обольстительные маски спали и обнажились настоящие характеры. Ужиться вместе было гораздо труднее, чем думалось в течение первого года, когда и тот и другая старались понравиться друг другу. За второй год чувства постепенно сошли на нет. Потом был еще год, когда они боялись признать правду, жили по инерции, обманывали себя, не находили мужества принять решение. Конец отношениям положила Клер – она ушла от партнера и дала себе слово больше на такое не попадаться. Теперь она будет такой, какая есть в повседневной жизни, с самого начала отношений

не пытаюсь казаться лучше, не подделываясь под партнера. Пусть принимает ее настоящую, а не нравится – до свидания.

Жизнь Клер текла по раз и навсегда заведенному распорядку. По условиям трудового договора в среду у нее был короткий день, она уходила после обеда и ехала помогать своей старшей сестре, сидела с ее детьми – пятилетней Алисой и трехлетним Томом. Она была их любимой тетушкой, и, возвращаясь поздно вечером, сестра нередко обнаруживала всех троих спящими вповалку на диване перед телевизором. Выйдя из дома сестры, Клер встретила человека, изменившего ее жизнь. Он шел за ней до самого дома.

По крайней мере, все указывало именно на это.

В следующее воскресенье утром пара пешеходов, прогуливавшаяся вдоль берега Марны, чуть не споткнулась о ногу Клер. Ее стройную, мускулистую ногу. Тщательно отшлифованную годами занятий спортом.

Молодая женщина лежала так же, как обычно засыпала с племянниками на диване у сестры – на спине, раскинув в стороны руки, словно готовые для объятий.

Но Алисы и Тома не было. Зато все ее тело заполонили насекомые. Они радовались дармовому пиршеству из крови и плоти.

Из-под полуоткрытых век Клер тускло смотрели глаза, нижняя челюсть немного отвисла, кончик языка небрежно лежал на зубах возле странно темных губ. Скулы были разбиты, как и правая надбровная дуга и подбородок, на кото-

ром виднелись царапины. Издалека казалось, что Клер – какая-то готическая певица с чрезмерным сценическим макияжем.

Глаза были обведены печатью насилия. Тени наложены кулаками. На щеках – естественный румянец от ударов.

Груды стали фиолетовыми, как и грудинная кость, словно по ней били часами.

На идеально плоском животе, за форму которого она так упорно боролась, виднелись десятки лиловых защипов – сильных, до крови.

Шесть из десяти ногтей на пальцах были обломаны. Она боролась. Как львица. Царапины виднелись даже на локтях, коленях и ладонях.

Промежность зияла пурпурной раной. В ней кишели жирные жуки.

На бедрах виднелось штук двадцать поверхностных надрезов, сделанных острием обоюдоострого ножа. Каждый раз кожу взрезали не очень глубоко, ровно настолько, чтобы проколоть ее, перерезать верхние сосуды, надрезать мышцу. Но после долгих часов инертного высыхания, без кровообращения, без жизни раны выглядели как открытые рты. Все тело, казалось, умоляло жизнь покинуть его как можно скорее, избавиться от мучений.

И наконец эта мольба была услышана, но лишь после бесконечных страданий.

Об этом свидетельствовала глубокая борозда вокруг шеи.

Если приглядеться, там была не одна, а много нахлестывающихся борозд, потому что за дело брались несколько раз.

Много раз. Нейлон погружался все глубже, стягиваясь вокруг горла, пока не перекрывал кровоток, пока не сжимал тисками трахею, прерывая поток воздуха. Веревку много раз чуть отпускали. Давая легким каждый раз частично наполниться, впустить дозу кислорода вместе с кровью в мозг. Даже врезавшись на два сантиметра в горло, нейлоновая удавка не могла полностью перекрыть дыхание.

Смерть через удушение наступала безумно долго. Обычно в таком случае агония длится около десяти минут, прежде чем случается непоправимое.

Для Клер эту агонию усердно продлевали... А потом еще и оживляли ее. Как бы лишая жертву права на избавление. Садистская игра заключалась в том, чтобы довести ее до капитуляции. Чтобы она наконец поняла, что ей не на что надеяться, нечего ждать, кроме смерти. Чтобы она звала ее. Возможно, при этом панически, всей душой боясь ее принять. И в миг, когда, казалось, все было кончено, непрямой массаж сердца и дыхание рот в рот насильно возвращали ее к жизни.

К новым страданиям.

И так до тех пор, пока наконец она не сломалась, пока все клетки ее тела не капитулировали, не перестали отвечать. Отказало не сердце, не мозг. Они составляли лишь малую часть организма. Надо было довести до крайности все тело, чтобы оно сдалось. Бесконечная смерть. Нескончаемое

эхо отчаяния и боли.

Клер умирала много раз.

Она же оказалась наиболее сохранной из жертв Фантома.

Пятиметровая стена была покрыта снимками и записями трех групп отдела расследований жандармерии. Фотографии двух жертв Фантома с одной стороны, трех жертв Зверя – с другой.

Двадцативосьмилетняя Клер Нури была первой в списке на стороне Фантома. Найдена мертвой в воскресенье, 24 июня, в департаменте Сена и Марна.

Надя Садан была найдена следующей 6 августа в департаменте Ивелин.

Их пытали, насиловали, душили нижним бельем, приводили в сознание, и так до полного умерщвления. Их муки длились часов пять, может быть, десять или еще больше.

В обоих случаях убийца проник в дом своих жертв, о чем свидетельствуют следы борьбы. Однако на дверных коробках не обнаружилось следов взлома. Мало того, после совершения преступления все было заперто.

На востоке Франции по Зверю картина складывалась совершенно иная.

Молниеносные атаки.

Аня, 16 июля.

Софи Ледуэн, 22 августа.

Армель Кале, 14 сентября.

Спасатели, прибывшие на место первого преступления,

вызвали местную жандармерию, но сказали, что не знают, была ли там одна жертва или несколько. Как будто у нее внутри взорвалась бомба. Состояние следующих двух жертв было не лучше.

Все убитые найдены в радиусе примерно двухсот километров.

Каждая – менее чем в тридцати километрах от автомагистрали А4.

Это единственное, что связывало последних трех девушек.

Но у всех пятерых на коже был вырезан один и тот же символ.

**e.*

* * *

Полковник Априкан выглядел осунувшимся.

Мужчина лет пятидесяти, худые щеки, серые невеселые глаза, седые волосы ершиком, спортивное тело атлета и марфонца, – он единственный во всем зале для собраний был одет в форму.

Перед ним сидели шестеро из девяти жандармов, задействованных во всем расследовании, и ждали его сигнала, чтобы приступить к докладу.

Когда все расселись, уныло, опасливо или устало поглядывая на стену с фотографиями жертв, полковник жестом

приказал начинать Алексису.

В расследовании участвовали три ячейки, но именно команде Алексиса поручили координировать всю следственную группу. Ячейку нарекли Мнуб – «множественные убийства», но между собой все называли ее «Пазл», намекая на состояние жертв. Алексис Тиме в этом деле рисковал по крупному. Он сам понимал это лучше всех. На него была возложена самая большая в его жизни ответственность. Здесь сыграли роль его учеба в Институте криминологии в Лозанне, а также превосходный послужной список. Он быстро анализировал и быстро вникал в суть. Он воплощал в себе новое поколение жандармов, выросших в эпоху компьютеров и игровых приставок, легко справляющихся с несколькими задачами одновременно, мгновенно схватывающих новое, фанатов новых технологий, любознательных и неустанно совершенствующихся. Тот самый тип людей, что в другое время стали бы инженерами, программистами, психологами или хирургами. Алексис был истинным жандармом версии 2.0: тридцать лет, широкий кругозор, работает по призванию, справится с любым заданием и – главное для начальства – способен, когда надо, беспрекословно подчиняться.

А если надо, сработает предохранителем, примет вину на себя, не слишком поднимая шум. Такое тоже может пригодиться...

Молодой человек откашлялся и прикрепил к доске с по-

мощью магнита фотографию Жозефа Селима, полученную из психиатрической клиники.

– Это наш самоубийца, сбросивший людей под поезд на станции Эрбле. Жозеф Селима, двадцать лет. У вас на столах докладная записка с краткой информацией о нем. Там все, что мы смогли найти, помимо его уголовного дела. Нас интересует то, что связано с его недавно появившимися контактами. Селима явно имел связи с группой лиц, напоминающей какую-то секту или культ. Возможно, я немного утрирую, но именно это нам предстоит узнать. По словам единственного найденного свидетеля, Селима виделся с ними все чаще и чаще.

– Как давно они встречались? – спросила Магали, брюнетка со стрижкой каре.

– С начала года, видимо. Селима был осмотрителен, осторожен, и наш свидетель ни разу не видел его знакомых в лицо. Жозеф Селима встречался с ними за пределами сквота.

– Что их объединяло? – спросил Франк, высокий мужчина за пятьдесят, с короткой стрижкой и седыми усиками.

– Мы ничего не знаем, кроме их эмблемы... – Алексис взял маркер «Веледа» и начертил на доске символ, который теперь знали все: *e. – И конечно же, – продолжил он, – нас сейчас очень интересуют эти люди. Мы больше ничего не знаем. Селима жил мелкими кражами, немного попрошайничеством, денег у него было мало, вряд ли ради встреч с ними он ездил куда-то далеко. Придется связываться с мест-

ной полицией, расспрашивать, отрабатывать все идеи, которые приходят вам в голову. Новые друзья Селима приведут нас к...

Он посмотрел на фотографии всех жертв.

– Что именно мы ищем? – снова спросила Магали. – Мафиозную сеть? Или трех фанатиков, которые убивают во имя грядущего апокалипсиса?

– За всю историю криминалистики мы с таким ни разу не сталкивались, поэтому еще раз скажу: ничего не понятно. Два серийных убийцы, по крайней мере один педофил, а теперь еще и убийца-шизофреник – не было случая, чтобы такие личности сходились вместе. Обычно, наоборот, они держатся поодиночке, очень осторожны. Но судя по тому, что мы смогли увидеть в сквоте у Селима, тут замешаны какие-то... духовные практики. Даже религиозные. Там был алтарь, и свечи вокруг, зажженные во славу этого символа. Преступники не действуют вместе, но они словно бы дали общую присягу на верность. Их что-то объединяет. Нам предстоит выяснить, что именно.

Внезапно с дальнего конца комнаты от входа раздался низкий голос, поразительно спокойный и уверенный:

– Это не единение, а координация.

Массивная фигура. Руки скрещены на мускулистой груди.

Бритая наголо голова.

Пронзительный взгляд быстрых серых глаз. Такой, что проникает в разум, считывает мысли и видит собеседника

насквозь.

Алексис сразу узнал его.

Это был Ришар Микелис.

В его взгляде читались все заповеди мира, все убеждения и еще какая-то первобытная сила, как будто он напрямую задействует рептильный мозг. Радужки глаз у него были такие светлые, что временами казались белыми; они завораживали, тревожили, контрастируя со зрачками такой глубокой черноты, что свет тонул в них, как в двух бездонных колодцах, ведущих прямо в потемки человеческой души.

Ришар Микелис внимательно оглядел всех присутствующих одного за другим. Некоторые не выдерживали пристального взгляда и внезапно начинали рассматривать носки своих ботинок.

Потом криминолог распрямился. Под одеждой обозначились мускулы, и он весомой походкой пересек комнату: каждый его шаг надежно впечатывался в линолеум, чтобы не дать упасть такой громадине.

Микелис встал перед полковником Априканом и протянул ему руку. Последний, немного растерявшись от такого театрального появления, помедлил секунду, прежде чем ответить рукопожатием. Затем Микелис остановился перед Алексисом. Два серебряных круга, казалось, светились изнутри и смотрели с такой силой, что молодой жандарм на мгновение подумал, что они выжгут на нем тавро, как раскаленное железо.

В этих глазах Алексис не мог ничего прочесть, не мог понять даже, чем они горят – гневом или азартом.

– Они не поклоняются какому-нибудь божеству насилия, если вы это имеете в виду, – сказал Микелис, обращаясь к аудитории. – Я так не думаю. Они общаются. Принадлежат к одному клану. Согласно заключениям судебно-медицинской экспертизы, эти *е-образные раны в момент нанесения не кровоточили или кровоточили очень слабо, что является признаком того, что сердце в тот момент уже перестало биться. Следовательно, это посмертные увечья. Относительно чистые. В обоих случаях. И первый убийца, и второй ставят свою подпись в самом конце. Когда все закончено, когда спадает адреналин, когда фантазия реализована. Эта подпись не является частью их личной схемы, это добавочная деталь. Они соглашались ее ввести потом, так же как, например, стереть свои отпечатки пальцев. Она не встроена в их желание, в их фантазии. Это своего рода обязательство, которое на них наложено.

Африкан повернулся к Алексису.

– А он ведь вроде бы не знаком с досье, – сказал полковник тихо.

Молодой жандарм пожал плечами, не вдаваясь в объяснения.

Микелис приблизился к стене с фотографиями жертв. Он указал на несколько кадров, где были видны изуродованные тела.

– Причем каждый раз тело найдено в совершенно определенном положении, – продолжил криминолог. – Символ *е словно выставлен напоказ. То он на спине у жертвы, то на ягодицах, но систематически это чуть ли не первое, что бросается в глаза.

Магали – одна из немногих, на кого не произвело впечатления вторжение Микелиса, – вставила реплику:

– Что-то я не просекаю. Если это добавочная деталь, то почему они ее выставляют напоказ? Как товарный знак, чтобы мы их ценили, что ли? Гордость за свою работу?

– Обычно, когда убийца хочет, чтобы им восхищались, он создает максимум элементов, которые на это работают. Общается с прессой, выходит на родственников жертвы или полицию, устраивает настоящую инсценировку с трупами. Здесь они этого не делают. Ни тот, ни другой. Они оставляют мертвых в ужасном виде, но не придают им никакой позы. Просто вырезают этот символ на теле в самом конце и смазываются.

– Я все равно не понимаю, зачем тогда оставлять символ на самом виду?

– Это не для нас. А просто потому, что перед уходом им нужно как-то это использовать. Чуть отступить, чтобы получить общий план. И это *е должно быть хорошо видно.

– И какова ваша гипотеза?

– Они фотографируют. Смотрите.

Микелис указал на даты смерти пяти женщин.

– Фантом – самый хладнокровный из двух убийц, он проникает к жертвам домой. Это человек, который любит рисковать, он уверен в себе до такой степени, что без колебаний проникает в дом к намеченной жертве. Он настолько убежден в своем превосходстве, что приходит к ним домой, на их территорию, где действовать труднее всего. Будьте уверены, у этого человека очень высокая самооценка. Он очень дотошен, возможно, маниакально аккуратен в своей повседневной жизни. Он любит планировать. Все проверять. Контролировать. Вряд ли он что-то имеет конкретно против этих женщин, они для него не более, чем инструмент наслаждения. Он полностью их овеществляет.

Микелис протянул руку и указал крупным пальцем на фотографию молодой рыжеволосой женщины, а затем на другой снимок с грудой вспоротой плоти и крови.

– Зверь – человек импульсивный. Он чувствует, как на него накатывает, готовится, но, когда уже не может сдерживаться, теряет контроль. Он атакует, как разъяренный хищник. Он весь – в тотальном разрушении, в ненависти к этим женщинам, к человечеству. Зверь вряд ли занимается долгой подготовкой и прикидками, он весь в действии. Он нападает на одиноких, молодых, слабых женщин. Это легкая добыча. Он недостаточно уверен в себе, чтобы выбрать что-то потруднее. Он нерешительный человек. Как видите, профиль у этих двух мужчин совершенно разный. И все же оба в финале вырезают один и тот же загадочный символ на телах

своих жертв. Это послание, обращенное друг к другу. Я думаю, когда на месте им уже нечего делать, перед уходом они фотографируют. Увековечивают сцену и посылают снимок с условным знаком, как бы подначивая друг друга. Вот почему мы находим этот знак на самом видном месте.

Над собравшимися повисла полная тишина. В зале был едва слышен далекий шум транспорта. Все не сводили глаз с харизматичного человека с таким необычным, тревожным взглядом.

Микелис указал пальцем на даты каждого преступления:

– Фантом открыл счет 24 июня, убив Клер Нури. Зверю потребовалось больше времени, чтобы решиться, но 16 июля он тоже перешел к действию. 6 августа следует ответный ход Фантома. Зверь снова вступает в игру 22 августа. Они играют в пинг-понг. Они отвечают друг другу.

– За исключением того, что Зверь делает новый ход 14 сентября, убивая Армель Кале, – вставил Алексис.

В его голосе звучал легкий вызов. Как бы обида человека, на чью территорию вторгся чужой.

Микелис ответил без всякой агрессии, с той же свойственной ему уверенностью:

– Либо за это время Фантом совершил еще одно убийство, которое вы не обнаружили, либо Зверь увлекся игрой и пытается опередить соперника. Как ученик, решивший поскорее превзойти своего учителя, освободиться от него.

На сей раз криминолог посмотрел прямо в глаза Алексиса,

и едва заметная ухмылка тронула уголки его губ.

– Как бы то ни было, – продолжил он, – Фантом не замедлит с ответом, если уже не ответил. У них короткий цикл, убивают чуть ли не каждый месяц, так что скоро хмель ударит им в голову.

– Это хорошо для нас, – заявил Сеньон, только что вошедший в комнату. – Чем сильнее хмель от агрессии, тем больше ошибок они совершат. Мы их прижмем.

Микелис невозмутимо подождал, пока чернокожий великан сядет на место.

– Возможно, – признал он. – Но это означает увеличение числа жертв. Вы готовы к этому? Ждать, пока других женщин постигнет та же участь? Вашу сестру? Вашу жену? Может, вашу дочь?

Сеньон нахмурился, скрестив руки на груди. Он повернулся к Алексису и кивком спросил, что это за тип.

Полковник Априкан глубоко вздохнул и указал на Микелиса. Его тон, суховатый, неторопливый, вполне соответствовал его внешности.

– Вы наверняка узнали криминолога Ришара Микелиса, – сказал он. – Алексис обратился ко мне с просьбой подключить его к расследованию, учитывая его уникальные навыки и опыт, а также сложный и деликатный характер данного дела, и я согласился. Спасибо, что все же изволили прийти к нам на помощь, профессор.

Магали рефлексорно дунула на свою челку, чем привлек-

ла внимание Микелиса, и спросила его:

– У вас есть представление о том, что объединяет этих мужчин?

– Двух серийных убийц? Нет, пока нет. Это довольно редкий случай, обычно дуэты действуют вместе, на расстоянии – никогда. Тут вроде бы не так. Фантом действует слишком необычно и нагло, вряд ли ему нужен помощник или наблюдатель. Обычно убийцы, когда переходят к действию, немного похожи на кошек, справляющих нужду, – не любят, когда на них смотрят. Хуже того, судя по фотографиям, найденным вашими службами, в цепочке есть педофил. А теперь еще и юноша с «суицидальными наклонностями». Я видел новости в пятницу вечером.

Алексис пристально смотрел на него. Неужели именно это побудило криминолога все же прийти? Беспричинная смерть женщины и ее ребенка. А также двух мужчин, чья единственная вина заключалась в том, что они оказались не в том месте и не в то время. Или было что-то еще? Мысль, созревшая за эти несколько дней? Не сам ли Алексис посеял семя, которое проросло в уме криминолога, породив сомнения в твердом решении жить пенсионером?

– Эти четверо мужчин, – напомнила Людивина, выпрямляясь в кресле, – непременно где-то в какой-то момент встретились и разработали свои планы. В тюрьме? В психиатрической клинике? В интернете? В этом плане мы блуждаем в потемках. Следов пока нет.

– Вы искали в интернете? На форумах? – спросил Микелис. – Удобное место встречи! Подходит для извращенных умов с одинаковыми навязчивыми идеями.

– Работаем. Этим занята целая группа. Одновременно раскручиваем педофильский след. Но в интернете столько всего, что на это уходит безумное количество времени.

– Я полагаю, что вы также собрали все досье на сексуальных извращенцев и других преступников того же типа, вышедших на свободу за последний год?

– Мы даже раздвинули рамки до полутора лет, – подтвердил Алексис.

– СМИ еще не в курсе о двух убийцах и педофиле, – добавил Априкан. – Зато по поводу парня на вокзале было много шума. Так что теперь дело контролируют политики, и поэтому ГУ⁴ хочет быстрых результатов. Если у вас есть новые идеи, мы внимательно слушаем.

Микелис покачал головой, разглядывая фотографии жертв.

– Я получил доступ к досье благодаря своим контактам, но пока не изучил все детали. Знаю дело только в общих чертах. Вы определили приоритет расследования?

Априкан повернулся к Алексису.

– В каком смысле? – спросил Алексис.

– Направление, в котором вы будете искать.

– Отрабатываем все, что у нас есть.

⁴ Главное управление национальной жандармерии.

Указательный палец криминолога поднялся к рисунку *e.

– Никогда такого не видел, – признался он. – Насколько я понимаю, юноша начертил тот же символ, прежде чем совершить преступление. Он не мог вырезать его на своих жертвах, поэтому поступил лучше: он послал сообщение всем сразу. Это символ ненависти. Насилия. Он собирает людей под знаменем ярости. Вам не кажется, что стоит двигаться в эту сторону?

– Мы и пытались. В интернете ничего не нашлось.

Микелис удивленно поднял брови:

– И вы не поступили в отношении этого символа так же, как поступили в отношении трупов, обратившись ко мне?

– Не связались с экспертом? Но в какой области?

– Да во всех! История! Психология! Математика! Не важно. Но я считаю, чтобы найти этих убийц, мы должны понять, что они собой представляют и почему так себя ведут. Я понимаю, что вы в основном сосредоточились на имеющихся у вас зацепках, уликах, следуя обычным методам расследования, но здесь вам придется расширить зону поисков.

– Например, каким образом? – спросила слегка задетая Людивина.

– Вы проходите мимо этого символа, считая его всего лишь точкой соприкосновения между всеми преступниками, но это, безусловно, нечто гораздо большее. Для них этот символ имеет значение. Возможно, что-то обозначает. И пока мы точно не узнаем, что именно, он будет для нас просто

воплощением худшего в этих людях. Символом их перехода к действию.

Микелис взял маркер и дополнил рисунок. Под *е появились буквы.

– Эмблема Зла, – тихо прочел Микелис.

Дождь хлынул внезапно. За несколько минут пелена серых туч укрыла небо, и на Париж полило. Сквозь потоки тускло пробивался предвечерний свет, и этот ливень стал преддверием ночи, за которым никто не заметил сумерек. Город замигал огнями, люди на улицах спешили вернуться под кров, закутаться в пледы, сделать себе горячего шоколада или чаю, чтобы это октябрьское воскресенье пролетело побыстрее.

В отделе расследований Ришар Микелис долго беседовал наедине с полковником Априканом, а затем направился в другое крыло здания и постучал в дверь офиса, который Алексис делил со своими коллегами.

– Я пообещал жене, что задержусь тут всего на несколько дней, – сказал он.

Молодой жандарм кивнул:

– Я рад, что вы передумали.

– Я не передумал.

Ответ вылетел резко, как пощечина. Людивина и Сеньон переглянулись.

– Что же заставило вас приехать? – поинтересовался Алексис. – Необычность случая?

– Жертвы. Я всегда делаю исключение ради жертв. В пятницу вечером, узнав про парня, который столкнул четырех

человек под поезд и потом покончил с собой, я понял, что за этим убийством последуют другие, и много.

– Надеюсь, что нет, – не удержалась Людивина.

Окаймленные серебром, темные, как бездна, зрачки резко скользнули в ее сторону.

– Эти нелюди нас опережают. Идут с огромным отрывом. И они жаждут крови. Будут новые жертвы. Нам надо к этому подготовиться.

– Нам? – переспросил Алексис.

– Пока мы вместе. Я высказываю вам свое мнение, а дальше вы делаете свою работу.

Алексис развел руками, как бы раскрывая объятия:

– Будьте у нас как дома. Мы примем все ваши идеи.

– У меня своя манера работы. Я буду читать все, что приходит в ваши службы, без ограничений, делать выводы, высказывать предложения, а дальше решать вам, принимаете вы их или нет. Полковник согласен.

– Меня все устраивает. У вас есть где ночевать?

– Обо мне не беспокойтесь, я нашел гостиницу в двух шагах отсюда, на улице Пи.

Микелис развернулся, собираясь уйти, но с порога добавил:

– Я задействовал свои связи и получил файлы касательно ваших пяти убийств по состоянию на вечер пятницы, а также попросил составить для меня список всех подозрительных смертей между 22 августа и 14 сентября, чтобы посмотреть,

не предпринял ли Фантом каких-то действий, которые прошли мимо вас. Ничего не нашел.

– Вы думаете, где-то лежит и разлагается еще одна жертва?

Криминолог помедлил, потом краем глаза в последний раз покосился на молодого жандарма:

– Этот, в отличие от второго убийцы, не прячет своих жертв. Так что нет, вряд ли. Я думаю, что Зверь хотел вырваться вперед. Показать, что он теперь настроен решительно. Надо ожидать, что Фантом нанесет ответный удар. Очень скоро. Полковник разошлет срочный циркуляр во все жандармерии и полицейские участки страны, чтобы в случае насильственной смерти, соответствующей почерку Фантома, нас уведомляли в первую очередь. Следим, держим руку на пульсе.

С этими словами он вышел из комнаты.

Едва он скрылся, Сеньон пинком захлопнул дверь.

– Что за мужик? – спросил он. – Вам не кажется, что он немного переигрывает?

– Немного? Скажешь тоже! Да он полностью вошел в роль! – засмеялась Людивина.

Алексис был осторожен в оценках. И уважительно относился к авторитетам.

– Микелис лучший в своей области, – сказал он наконец. – А все потому, что носом чует каждую молекулу насилия. Он видит мир не так, как мы.

– Вот уж точно! – подтвердила Людивина. – Он не такой, как мы! Все равно сегодня мы вряд ли продвинемся дальше, так что я бы передохнула. Хотите, угощу вас всех пищей?

– Я пас, – отказался Сеньон, – жена мне яйца отрежет, если я не приду домой к ужину.

Людивина и Алексис остались вдвоем.

– Когда мне кажется, что у меня дерьмовая жизнь, – сказала она, – что я одна и могу со временем превратиться в злобную каргу, я думаю о тебе! Приятно знать, что есть такие парни, как ты. И что ты пригласишь меня в ресторан, а потом не будешь тащить в постель.

И очаровательно сморщила носик.

Людивина иногда была обезоруживающе откровенна.

* * *

Их усадили в отдельную нишу со скамьями, покрытыми дерматином. В ресторане пахло фритюром, где-то играло кантри.

– Почему ты стала жандармом? – спросил Алексис. – Ты никогда не рассказывала.

Людивина чуть не поперхнулась, потягивая газировку через соломинку.

– Прямо здесь? Сейчас? Ты правда хочешь знать?

Он пожал плечами.

– Потому что в детстве у меня на глазах убили отца, и я

покаялась восстановить справедливость в этом мире, – ответила она вдруг.

Алексис судорожно сглотнул. Он не был готов к такой откровенности между двумя кусками гамбургера; он ожидал какой-нибудь банальной истории, а вопрос задал из вежливости, из праздного любопытства.

Людивина уставилась на него так, словно злилась на то, что он затронул эту тему. Потом ее лицо разгладилось, и она захохотала:

– Видел бы ты свое лицо! Да нет же! Не у всех девушек-жандармов или полицейских есть личные счета с миром! Я всегда была спортивной, хотела «полевой» работы, мне нравится, когда все четко и ясно, я люблю криминальные расследования, вот и все! Когда мне было двадцать, дядя рассказал о работе в жандармерии, и я пошла по этому пути. Все очень просто.

– И не жалеешь?

– Нет. Обожаю свою работу. Ненавижу, когда начальство вмешивается из-за политики, но во всем остальном – классная работа. Меня, конечно, достает бумажная волокита, половину времени мы занимаемся ерундой, большинство убийств совершаются либо из-за бабок, либо из-за секса, но мне по кайфу. И потом, время от времени мы откапываем какие-нибудь забавные истории. Не на что жаловаться.

Людивина распустила волосы, и светлые локоны запрыгали по обеим сторонам ее красивой мордашки. Капля кетчупа

на время превратилась в родинку в уголке губ, и Алексис не мог оторвать от нее глаз.

– А ты? – спросила она вдруг.

– Ну, я... Тоже ничего оригинального. Посмотрел «Молчание ягнят», «Семь»... Еще подростком я только этого и хотел: выследить «плохого парня». Понять, почему человек способен на худшее.

– Ты же сначала получил очень приличное научное образование в Лозанне.

– Тогда я думал, что буду работать криминалистом, вести расследования на месте преступления. Но потом понял, что на самом деле расследований они вообще не проводят, и сразу переориентировался на следствие.

– А у тебя есть братья и сестры? Ты никогда не говоришь о семье.

– Я единственный ребенок.

– А родители?

– Мать живет в Коломбе, это под Парижем. А отец в доме престарелых. У него болезнь Альцгеймера. Я уже шесть месяцев не ездил его навещать. Он нас уже не узнает, все время несет какую-то чушь, и от этого больнее всего. Для меня его уже не существует.

Людивина откинулась на сиденье с картофелем фри в руке.

– Прости. Я не знала.

– Ничего страшного. Я могу говорить об этом без про-

блем. Такова жизнь. Мы уже восемь лет знали, что он болен, так что успели морально подготовиться.

– Как получилось, что у тебя никого нет? Ты красивый парень, не скучный, прилично зарабатываешь... Что за тайные пороки ты прячешь от людей?

– К тебе тот же вопрос!

– Но я совсем не одна! У меня целых два парня!

– И как им это, ничего?

– Да вроде не жалуются.

– Может быть, потому, что не знают друг о друге?

– Может, и так...

Людивина виновато наморщила носик.

– Зачем тебе это? – спросил он. – Зачем усложнять себе жизнь?

– Если парней двое, я ни от одного из них не завишу.

Ее ответ был прямым и честным. Алексис почувствовал это по тону. Людивина была не из тех, кто любит откровенничать, но охотно отвечала, если к ней проявляли искренний интерес.

– Не хочешь привязываться?

– Нет, сначала хочу понять, что они собой представляют, и тот и другой.

– Похоже на историю девушки, которая обожглась на прежних отношениях и больше не верит парням, потому что слишком много им отдала.

– Как это скучно. Спасибо за напоминание, что я вообще

до ужаса банальна.

– А кто не банален? Ну ладно, колись уже. Ты отдала все парню, а он взял и кинул?

– У меня таких перцев было двое.

– Ух ты. Солидное досье. Рассказывай.

Людивина вздохнула и оглядела ресторан: посетители болтали, одни смеялись, другие были очень серьезны, почти хмуры, кто-то ужинал в одиночестве.

– Первая любовь, – начала она, – длилась шесть лет, пока я не догадалась, что он спит с другой. Он долго мне изменял. Пока все очень банально... Короче. Потом большая любовь. У всех же была большая любовь, правда? Роковая любовь, черт ее побери. Такая, что оглушит человека на всю оставшуюся жизнь. И как всегда, конечно, плохо кончается, иначе какая же это большая любовь. Мы прожили вместе пять лет. Все было серьезно. Мы в это сильно верили. Строили планы на будущее, рисовали свой дом, выбирали имена будущим детям, и он сделал мне предложение. Но, конечно, время от времени этот гад трахал мою лучшую подругу.

– Отстой.

– Во-во. В обе истории я вкладывалась без остатка. Полностью. Так что теперь я стала осторожней. С двумя парнями я гарантированно успею узнать их, понять, кто они такие, прежде чем опять нафантазировать всякого. Я дико влюбчивая. Теряю голову так же часто, как переключается светофор.

– Давно у тебя не было серьезных отношений?

– Почти два года.

– Но ты отошла от стадии «все мужики – сволочи, ненавижу»? Готова влюбиться снова?

– Теперь, по крайней мере, я знаю, как они устроены. Я стала не так простодушна в любви, я влюбляюсь умом, не теряю головы.

– Это не любовь. И хватит повторять грошовые штампы, не все мужики одинаковые. Ты говоришь, как подросток. Мы же не все подонки!

– Не вы подонки, это система гнилая. Нас, девочек, с детства воспитывают на мифах о прекрасном принце, честном, идеальном парне, рыцаре! А вы биологически запрограммированы трахать все, что движется.

– Знаешь, мы тоже можем быть цивилизованными людьми.

– Ты что, никогда не изменял?

– Плохой пример.

– Вот видишь!

– Не в том дело, просто у меня никогда не было долгих отношений, так что, очевидно, не было и возможности...

– То есть? Самые долгие отношения длились сколько?

– Два года.

– Отстой.

– Во-во.

– Сколько тебе лет?

– Через месяц стукнет тридцать один.

– Вот засада. И почему у тебя никогда не срывается?

– Мне становится скучно. Девушки, с которыми я знакомился и в которых влюблялся, через год или полтора оказывались совсем не теми.

– И это я наивная? Тут ведь игра оболъщения, все так делают. Ты сам должен почувствовать, что представляет собой девушка на самом деле, еще в начале ваших отношений.

– Ну, у меня, должно быть, дерьмовое чутье.

– И не тяжело тебе?

– Жить одному?

Алексис глубоко вздохнул и задумался.

Так навскидку, сидя перед женщиной, к тому же хорошенькой, он готов был ответить, что, конечно, тяжело, что ему нужно иметь рядом родственную душу, строить отношения. Но тут же подумал о своей повседневной жизни, и ответ стал уже не таким очевидным. Зато не надо ни перед кем отчитываться, когда задержишься на работе. Можно торчать за рабочим столом хоть до часу ночи, когда вздумается. По вечерам у него были свои маленькие привычки: немного посмотреть телик, поиграть на приставке, чтобы проветрить голову в трудные дни, заказать ужин с доставкой, а потом почитать в кровати... В общем, Алексис был бобылем настоящим, по призванию. Он видел своих друзей все реже и реже и отлично себя при этом чувствовал.

– Да в общем нет, – сказал он. – Мне это нравится.

– А ты хоть периодически с кем-то спишь?

– В последнее время нет. Иногда знакомлюсь в интернете, но это никогда не заводит слишком далеко.

Людивина подняла брови.

– Два типичных случая! – пошутила она.

Оба молча смотрели друг на друга. Каждый изучал другого. С легкой улыбкой на губах.

Внезапно Алексис перегнулся через стол и тронул большим пальцем уголок рта своей партнерши; она на мгновение испугалась.

– У тебя кетчуп, – тихо сказал он. – Целый час не дает мне покоя.

– Ой.

Людивина, немного растерявшись, смотрела, как он садится на место.

– Я боялась, что ты меня поцелуешь, – наконец призналась она.

Последовало неловкое молчание.

Оказавшись на улице, они стали от холода застегивать куртки и поневоле жаться друг к другу.

– Алекс, если как-нибудь вечером накатит хандра, могу я завалиться к тебе?

– Конечно. В морозилке всегда найдется мороженое.

– Какой ты милый.

Он взял ее за плечи и стал по-дружески их растирать.

Пока они шли к казармам, Людивина вдруг спросила:

– Ты не воспользуешься возможностью со мной пере-

спать, правда?

От неожиданности Алексис не нашелся что ответить и только пробормотал:

– Ну... нет.

Она чмокнула его в щечку и помчалась к своему корпусу, а он смотрел ей вслед.

В ней было тонкое сочетание хрупкости и иногда – напора, самоуверенности и настороженности, которое казалось ему ужасно трогательным. Они часто поглядывали друг на друга, цеплялись и даже препирались, но дальше дело не шло, это было не всерьез. А тут вдруг Алексис подумал, что между ними могут быть какие-то более прочные отношения. Дружеские. Братские. Ему, в общем-то, нравилась эта идея.

Затем, поднявшись по ступенькам своего корпуса, он осознал, что снова возвращается в квартиру один. К своим книгам, дискам, своему маленькому комфорту.

И к холодной широкой кровати. К пустоте от стенки до стенки. От минуты к минуте. От мысли к мысли.

И пожалел о своих недавних словах.

Может быть, ему не так уж и нравилось одиночество.

Но он знал, как с ним справляться.

Он хрустнул пальцами. Ночь будет короткой.

В нем нарастало возбуждение.

Ему не терпелось взяться за дело.

12

Эмили вздрогнула и проснулась.

Телевизор еще работал, на экране какие-то вооруженные партизаны пробирались сквозь лесную чащу. Она повернулась и посмотрела на будильник. Почти час ночи.

Опять она заснула за просмотром воскресных вечерних новостей.

Вторая половина кровати пустовала.

Жан-Филипп так и не поднялся в спальню.

Ну это уже слишком. Как начнет смотреть телевизор вниз, так засиживается там чуть ли не до рассвета.

Эмили встала и пошла в смежную ванную комнату, сняла трусики и футболку, надела ночную рубашку. Устало посмотрела на зубную щетку и махнула рукой. В любом случае было достаточно поздно, и сегодня ей уже совсем не хотелось близости. Они занимались любовью накануне, когда Изабель не было дома, а на двадцать втором году брака им давно не случалось заниматься сексом две ночи подряд.

Эмили вышла в коридор. Дверь в комнату Изабель была закрыта. В щели между ковролином и дверью мигала полоска света.

«Иза, ты знаешь, который час?» – сердито подумала Эмили. Она даже хотела войти, погасить свет и выйти, но вовремя одумалась. Девочке уже семнадцать, сама должна думать

головой.

А ей, как матери, пора перерезать пуповину, отойти чуть в сторону. Не лезть во все. Так или иначе, девочка наверняка общается в сетях с друзьями, рядом бубнит телевизор, в ушах наушники. В такие моменты к ней приставать бесполезно. Дружба в социальных сетях полностью заменила семейные отношения. Уничтожила остатки родительского авторитета. Невозможно бороться с виртуальным миром. Родители его не контролируют. Иза постоянно на связи с этим мирком, через компьютер или через телефон, и эту пуповину уже не перерезать.

Эмилия отступила от двери и, обогнув площадку второго этажа, подошла к лестнице.

Внизу до самой прихожей доходил свет из гостиной и бурчание телевизора. Жан-Филипп, должно быть, развалился на диване, как под гипнозом, не в силах ни оторваться от экрана, ни окончательно заснуть, но уже слишком одурманенный, чтобы собраться с духом и пойти наверх, в супружескую постель.

Эмили ступала по ковру совершенно бесшумно. «Тише смерти», – подумала она, предвкушая, как сейчас его напугает.

Войдя в большую комнату, она увидела ту же самую программу, на которой только что проснулась сама.

– Может, поднимешься и ляжешь? Мы же смотрим одно и то...

Диван был пуст.

Ну как не стыдно! Полез в холодильник!

Вот уже год как муж жаловался, что набрал вес, появился животик. Эмили это надоело, и три недели назад она посадила его на строгую диету. Развернувшись, она ринулась в смежную кухню, чтобы застукать его раньше, чем он уничтожит все следы преступления.

Дождь стучал в огромные французские окна, за которыми зияла тьма, капли скатывались вниз, словно тысячи лиц, умоляющих их впустить.

«И откуда лезут такие глупости?» – спросила себя Эмили, прогоняя зловещий образ из головы. Хватит смотреть перед сном репортажи о полиции и насилии.

* * *

Она едва не столкнулась с ним на пороге кухни.

Эмили даже чуть не вскрикнула:

– Ты напугал меня до смерти!

Первое, что она заметила, – у него неприятно пахло изо рта. Чем-то едим.

Она подняла глаза, и сердце остановилось.

Это был не Жан-Филипп.

В полумраке дверного проема черты лица мужчины были неразличимы, только вспыхивали блики на зрачках и эмали зубов. Но силуэт принадлежал явно не мужу. Не говоря уж

о запахе.

Мужчина улыбался.

Ее мозг тут же начал искать объяснение, желательно правдоподобное и успокаивающее.

Друг Жана-Филиппа?

Эмили никак не могла собраться с мыслями. Время было позднее, полусонный мозг работал медленно. Но стоящий напротив мужчина вызывал у нее резкую неприязнь.

– Не спишь? – спросил он.

Эмили не понимала, к добру такая фамильярность или нет. Да что ж это?

Его взгляд был ледяным. Глаза смотрели как-то странно. Словно они были пустыми.

Жан-Филипп принимает кого-то посреди ночи, не предупредив меня? Нет, это...

– Обычно в это время ты спишь, а муж смотрит телевизор внизу, на диване. Ты же никогда не спускаешься. Забавно, да? Забавно, что ты меняешь привычки именно в тот день, когда я пришел.

В душе Эмили нарастала тревога. Она шумно дышала. Ее сердце снова билось, но уже сильнее. Слишком сильно. Так сильно, что ей казалось, оно вот-вот разорвет кожу и вырвется наружу.

– Вы... – пролепетала она, – вы...

Улыбка мужчины стала шире, обнажив желтоватые зубы.

Взгляд оставался таким же пустым.

Безнадежно пустым.

В этот момент Эмили поняла, что ситуация нехорошая. Совсем нехорошая.

Ее охватила паника.

Затем ее взгляд привлекло что-то крупное, непривычное за спиной у мужчины, возле холодильника.

На полу, на сером кафеле, который они только недавно поменяли, лежало тело.

Она узнала мужа по одежде.

Потом она увидела кровь. Он лежал в луже крови. На горле зияла дыра. Огромная багрово-черная рана. Он лежал, прикрыв веки, такой белый-белый... Почти непохожий на себя. Какое-то подобие Жан-Филиппа. Манекен, которому для правдоподобия не хватало жизни.

Все тело Эмили охватила дрожь. Она выдыхала судорожно, толчками.

– Я с ним поработал, чтобы он не мешал. Нам троим.

При этих словах в голове Эмили вспыхнул ужас. Злоумышленник знал, что в доме Изабель. Он пришел за ними обеими.

Дрожь пробежала по ее телу. Ужас и отвращение.

Не зная, откуда взялись силы, она оттолкнула мужчину и бросилась в гостиную. Лестница. Запереться с дочерью. Вызвать полицию. Кричать. Пока не лопнут барабанные перепонки. Пока соседи не услышат.

Беги! Беги! – рявкнул голос внутри нее. *Спасай свою*

жизнь! Спасай дочь!

Ведь это был именно вопрос жизни и смерти. Их жизни. Теперь в этом не оставалось сомнений.

Она пролетела между обеденным столом и сервантом с такой скоростью, что все вокруг, казалось, перестало существовать. Зрение сфокусировалось только на ступеньках лестницы.

Эмили летела. Касаясь пола только кончиками ног, и то на мгновение.

В этом беге была вся ярость мира. Ярость матери, защищающей свое потомство. Ярость загнанного в угол животного. Инстинкт выживания.

Прихожая казалась все ближе.

Органы чувств снова начали работать, все вместе, одновременно.

Она знала, что он не преследует ее. Он не бежит. Она оторвется. Он остался на пороге кухни. Она обогнала его.

Беги! Быстрее! Ради себя! Ради Изы!

Ступеньки. Толстая дверь второго этажа. Телефон. Окна, чтобы крикнуть соседям. Все это было так близко. Стоит лишь взбежать по лестнице.

Давай! Ты почти у цели!

Раздался щелчок, как будто взвели пружину.

Потом что-то воткнулось в спину, словно ее ужалило насекомое.

Ударил белая вспышка. И в тот же миг все мышцы скру-

тило, словно в приступе столбняка. От страшного спазма остановилось дыхание, отнялись ноги.

Эмили почувствовала, что падает. Разряды накатывали на тело, как волны, в которых она тонула. Она задыхалась.

Тень мужчины нависла над ней.

Эта тень медленно заслоняла собой все, поглощая по пути каждый луч света, накрывая ее, как саван.

В руке у мужчины было что-то вроде пистолета с длинной скрученной проволокой, идущей из ствола.

Он встал прямо над Эмили.

– Не кричи, – сказал он без всякого выражения. – Хочу сделать сюрприз твоей дочери.

В его голосе не слышалось ни волнения, ни возбуждения. Он был абсолютно пустым.

Эмили пыталась подняться. Ей хотелось кричать. Она еще могла задержать его. Дать Изабель шанс скрыться.

Она хотела протянуть руку, но нет. Мышцы уже не слушались ее.

Мужчина сел на корточки, чтобы удобнее было смотреть.

Он водил своим странным пистолетом перед лицом Эмили.

– Теперь ты марионетка, – сказал он. – Будешь делать, что захочу. Все, что я захочу.

И снова нажал на курок.

Эмили выгнулась дугой, все ее тело пронзил электрический разряд.

Невыносимая боль. Кошмар.

Обычный воскресный вечер в кругу семьи. Все было хорошо. Они собирались спать. Такого не могло случиться. Не здесь. Не так. Не столь быстро. Ей предстояла насыщенная неделя, столько всего надо было сделать. Столько людей повидать. Столько любви подарить, столько получить в ответ. Впереди была целая жизнь.

Эмили отказывалась верить.

И вдруг между двумя спазмами она увидела, как мужчина трет себе промежность.

Эмили хотела заплакать и не смогла.

Тело не повиновалось. Даже слезы ее не слушались.

«Пежо» жандармерии припарковался перед Пантеоном.

Хмурое небо быстро несло над куполом, словно торопясь покинуть городской пейзаж.

Алексис, Сеньон и Людивина вышли из машины одновременно и направились к каменной арке, выполненной в том же стиле исторического декора, что и вся огромная площадь.

Профессор Экланд назначил им встречу там же, где вел свою научно-исследовательскую работу: в библиотеке Святой Женевиевы.

Жандармы связались с ним утром по совету Ришара Микелиса. Экланд был признанным историком и преподавал в университете Пантеон-Сорбонна. Он стоял первым в длинном списке специалистов, который они тщательно составили накануне.

Они поднялись на второй этаж большой библиотеки, и Алексис замер на пороге, пораженный величественной красотой открывшегося зала.

Этот зал раскинулся на восемьдесят метров в длину и пятнадцать в высоту. Своды потолка, вытянутая форма, каменные стены и стрельчатые окна делали его похожим на собор. Только повсюду вместо алтарей и витражей стояли книги: их разноцветные корешки хранили ответы на все вопросы мира. Здесь царил культ слова и знания.

В центре тянулись ряды деревянных столов и стульев, над которыми возвышались зеленые полусферы ламп, словно салютуя команде любознательных людей, готовых плыть сквозь время в этом странном ковчеге.

Сеньон попросил одного из библиотекарей указать им Эккланда, и они нашли его склонившимся над стопкой фолиантов.

Ученый носил тонкую бородку, обрамлявшую лицо, на кончике носа висели маленькие очки.

Какое-то время он разглядывал их с подозрением.

– Просто я ожидал жандармов в мундирах, – признался он, вяло пожимая им руки. – Что за срочность, чем могу помочь?

Радуюсь, что можно сразу перейти к сути дела, не утруждая себя нудными преамбулами, Алексис достал из кармана пиджака листок бумаги и развернул его.

– Мы ищем объяснение этому.

Он протянул профессору мятый прямоугольник с нарисованным в центре символом *e.

Эккланд поправил очки и долго смотрел на рисунок. Сопел. Шевелил пальцами в такт своим мыслям.

– Почему вы думаете, что я способен вас просветить? – наконец сказал он.

– Может быть, этот знак был известен в древности? – спросила Людивина.

– Во времена Древней Греции, – добавил Сеньон. – А мо-

жет, это какая-то римская эмблема?

Экланд лукаво глянул на трех жандармов:

– Вы понятия не имеете, что это такое, правда? И обратились ко мне за советом так же, как могли бы обратиться к знакомому мяснику или врачу?

– Вроде того, – признал Алексис. – Вы можете нам помочь?

Экланд поджал губы:

– Я наведу справки, но так, на первый взгляд, это не напоминает мне ничего известного. Извините.

Жандармы как по команде опустили плечи. Алексис грустно вздохнул.

– Надеюсь, вы начали с азов? – осведомился Экланд.

– То есть?

– Ну, это же буква, не так ли? Вы консультировались с лингвистом?

Алексис, Людивина и Сеньон переглянулись с одинаково виноватым выражением.

Профессор слегка ухмыльнулся.

– Очевидное редко бросается в глаза, товарищи, – сказал он, наклоняясь, чтобы что-то написать на обратной стороне листка. – Держите, вот имя моего коллеги из Сорбонны. Он лингвист, очень хорошо знающий историю языков и письменности. Скажите, что вы от меня.

Менее чем через час Сеньон потихоньку ускользнул от товарищей после того, как ему позвонили из Музея естествен-

ной истории. Алексис и Людивина тем временем ждали, пока амфитеатр Сорбонны покинут последние студенты.

– У тебя под глазами синяки до колен, – сказала молодая женщина. – Ты спал ночью?

– Плохо.

Алексис не был настроен болтать, во всяком случае не готов был обсуждать свое самочувствие. Людивина это поняла и переключилась на другое:

– Тебе не кажется, что мы зря теряем время? Мы должны сидеть в конторе и отрабатывать конкретные гипотезы.

– Какие?

– Я не знаю! Но, скажи честно, на что ты надеешься с этим символом? Микелис называет его «эмблемой Зла», что звучит и так достаточно мутно. На что она нам?

– Нет ничего более одинокого, чем серийный убийца, и тем не менее у нас есть по крайней мере двое, которые для прикола подписываются этой буквой. То же самое делают педофил и парень на вокзале. Если мы узнаем, что означает эта буква, возможно, мы сможем понять, как они познакомились. И как до них добраться. Помнишь, как тот панк говорил о знакомых Жозефа Селима?

– Он говорил «они».

– Как будто он их боялся. Хотя ни разу даже не видел. Селима, должно быть, напугал его до чертиков. Сомневаюсь, что этот парень тратил свой скудный доход в интернет-кафе, чтобы поболтать на каком-нибудь форуме. Он кого-то встре-

тил. Может быть, Фантома или Зверя. Или обоих. Они наговорили ему про то, что означает это *e. Наговорили столько, что он включился. Это лозунг. Клич. Призыв. Нам нужно понять, к чему.

Они успели перехватить профессора Карриона, прежде чем он успел выйти через маленькую дверь в другом конце зала.

Алексис предъявил удостоверение и без лишних формальностей объяснил причину своего прихода.

Каррион был невысоким, коренастым, небритым мужчиной, от которого пахло старостью и пылью. Он внимательно выслушал немногословные пояснения жандарма и кончиками пальцев взял бумагу, а потом тут же вернул ее.

– Вам это что-то напоминает?

Лингвист кивнул:

– Да, кое-что известно.

Он взял мел и начал рисовать символ на доске.

– Это индоевропейский корень.

На лицах Алексиса и Людивины читалось непонимание.

– Доисторический язык, лежащий в основе языков Европы и Азии, если хотите, – пояснил профессор. – Что? Вы не знали, что изначально существовал праязык?

– Я никогда об этом не думала, – призналась Людивина.

Профессор огорченно поморщился, прежде чем продолжить:

– Большинство языков мира – продукт эволюции древ-

них языков, которые почти все восходят к одному предку. Когда-то давным-давно люди говорили на языках или наречиях, имеющих много общего, идущих из одной отправной точки. То, что вы мне показываете, – это радикал, древний корень исходного языка. Звездочка перед буквой *e* говорит об этом довольно ясно.

– И этот радикал что-то значит? – спросила Людивина.

– Да, он означает «это», «этот» или даже «вот этот». Например, в протогерманском языке он дал **ains*, а затем немецкое *eins* или английское *one*.

Профессор, похоже, отнесся к этой истории очень серьезно, поэтому записал каждое слово на доске.

– «Это»? – повторил Алексис.

Он разочарованно переглянулся с Людивиной.

– А оно не может означать ничего другого? – спросила та. – Например, на французском?

– Напротив! Оно может означать очень многое! В латыни этот радикал дал *is*, *id*, *ecce*, слова с суффиксом – *nus*. И мы находим его в латинских выражениях, таких как *unus*, которые, – профессор не торопился, старательно выписывая каждую букву, – давали *unio*.

– Что это значит по-французски?

– Это этимология нашего слова «уния», «союз».

На этот раз жандармы переглянулись с большей живостью. Семантика начала им что-то говорить.

– «Союз»? – переспросил Алексис.

– Да, – согласился профессор с оттенком гордости, словно открытие принадлежало ему лично. – Одним словом, если ограничиться французским языком, ваш *e – это древний корень слова «союз».

– Истоки единения. Сбор всех сил, – подытожил Алексис. – Неужели именно это их связывает? Они объединились ради того, что в их глазах важнее всего? – Он думал вслух, мысли срывались с губ по мере возникновения. – Насилие. Они – стая. Архаичное сообщество, специализирующееся на охоте.

– На смерти, – поправила Людивина.

Она пристально смотрела на доску.

Слово «они» теперь приобрело смысл.

– Они первичная ячейка. Союз хищников.

– Вдвоем или втроем в союз не собираются, – вслух подумал Алексей.

Людивина покачала головой:

– Нет. Союз – это целая группа. Люди. Много людей.

Жандармы пристально смотрели друг на друга.

– Они задумали взять числом, – сказала она. – Объединиться, чтобы стать сильнее. Они хотят вербовать сторонников.

– А может быть, уже вербуют.

Прерывистая морось за несколько часов пропитала растительность, одежду людей и стала заливать канавы, водостоки, образовывая лужи в каждой выбоине дороги или яме на обочине.

Машина мчалась по юго-западным пригородам Парижа. Вдоль шикарных, тихих кварталов, старых каменных стен или стальных оград, за которыми виднелись высокие деревья, едва различимые крыши особняков, усадебных домов и более современных вилл. Зажиточный пригород жил своей потаенной жизнью, где все было спрятано, центр находился в стороне от основных транспортных магистралей, а красивые дома – в глубине своих парков. Даже население словно куда-то скрылось, на улицах почти никого не было.

Алексис ехал быстро, с мигалкой, на каждом перекрестке Людивина включала сирену. Они прибыли в Лувесьен. Их сердца сжимала тревога, ладони вспотели. Оба боялись того, что их ожидает. Оба не чувствовали никакого возбуждения, не питали никакой надежды на то, что им откроются новые подсказки, которые приведут к Фантому.

В данных обстоятельствах такие чувства были неуместны. Ворота были открыты, двое дежурных полицейских контролировали проход. К счастью, на тротуарах не собралось зевак, пытающихся что-то разглядеть, – улица была безлюд-

на.

«Пежо» медленно двигался по мощеной дорожке сада в направлении бело-серого дома, явно построенного по авторскому проекту. Его стены были почти полностью покрыты деревом. Этот современный и просторный дом чрезвычайно напоминал типичный американский особняк.

Перед гаражом были припаркованы три полицейских автомобиля и пять машин жандармерии, включая фургон ОКР⁵, а также санитарный транспорт.

«Дворники» повизгивали при каждом движении, снимая со стекла туман, стремившийся во что бы то ни стало скрыть это место, словно оно не должно было существовать.

Магали, брюнетка со стрижкой каре, ждала на крыльце, скрестив руки на груди. У нее, обычно такой динамичной и веселой, было суровое, непроницаемое лицо. Когда Алексис и Людивина подошли ближе, она так и осталась стоять, загоразившая дверь в дом.

– Надеюсь, вы не обедали?

– Все настолько страшно? – спросил Алексис.

– Местные копы сориентировались четко. Увидев бойню, они сразу поняли, что дело тяжелое, и вызвали уголовную полицию Версаля, а те, увидев тела и особенно способ действий, сразу вспомнили о нас. Учитывая схожесть фактов, прокуратура Версаля вызвала нас.

– Сколько времени прошло с момента обнаружения тел?

⁵ Отдел криминальных расследований.

– Домработница нашла их сегодня около девяти утра. С нашими службами связались менее чем через два часа.

– Сколько жертв?

– Трое. Вся семья.

– Эксперты-криминалисты уже закончили работу?

– Да, они просто сделают несколько дополнительных фотографий, но площадка свободна. Координатор на месте.

Координатор, а точнее, координатор судебной экспертизы был тем экспертом, который осуществлял связь между криминалистами, собирающими улики, различными лабораториями и результатами экспертиз и, наконец, самими следователями. На месте преступления он был гидом и толкователем.

Магали отошла в сторону, пропуская их внутрь. Просторный дом был обставлен с большим вкусом: мохнатый ковер на паркетном полу цвета венге, стены в пастельных зеленых или бежевых тонах, деревянные панели, резной декор и дверные рамы, выкрашенные в безупречно-белый цвет. Все выглядело аккуратно и стильно: экзотическая деревянная мебель и этнические украшения свидетельствовали о многочисленных поездках в Африку и Азию, а все стены были увешаны рамками с фотографиями из отпуска, снимками семейной пары и их дочери, сделанными по всевозможным поводам.

На всех фотографиях все стекла были разбиты. А их было много, десятки.

Алексис также заметил множество романов, лежавших повсюду на полках, в нишах. Это были исключительно детективы.

Магали указала на опрокинутый столик в холле, а также на подставку для журналов, содержимое которой вывалилось к подножию лестницы. Обложки *Elle*, *Biba*, *Marie-Claire Maison* и *Les Années Laser* выглядели драматической иллюстрацией к тому, что произошло здесь несколькими часами ранее.

На ковре, возле полудюжины пятен ржавого цвета, которые контрастировали с кремовым оттенком шерсти, лежал желтый маркер с номером 3.

– Мы думаем, что на женщину напали здесь, – сказала Магали. – Следы борьбы и немного крови. Потом ее потащили вверх: на ступеньках в нескольких местах имеются царапины, к тому же эксперт-криминалист только что подтвердил мне, что у нее под ногтями обнаружены занозы от паркета.

– А тело где? – спросила Людивина.

– Наверху, в спальне.

– Почему разбиты стекла на всех фотографиях? – задал вопрос Алексис. – Слишком методичная работа, вряд ли это результат борьбы.

– И так во всем доме. Ни одной целой фотографии, – раздался странно безмятежный голос сзади.

Филипп Николая, координатор, подошел к ним, чтобы поздороваться. Черные волосы, блестящие от геля локоны, за-

чесанные назад, дорогая кожаная куртка, кашемировый свитер, очки *Ray-Ban*, висящие на дужке в v-образном вырезе, узкие джинсы... Филипп Николая держался с непринужденностью человека, зашедшего летом в пляжный бар, чтобы снять девушку на вечер.

– Видал я в жизни мерзости, но эта сцена точно войдет в мой личный пантеон, – предупредил он, оставив неуместную легкость тона. – Сейчас все увидите сами.

Он провел их на кухню, где трещали фотовспышки.

Два эксперта-криминалиста в синих комбинезонах делали новую серию дополнительных снимков. Они двигались осторожно, словно по минному полю, с каждым шагом проверяя, куда ступают, и стараясь ни к чему не прикасаться.

Четыре софита на треногах стояли по углам комнаты, заливая ее страшным белым светом – тем светом, что не знает ни жалости, ни скромности, ни стыда и признает одну медицинскую, техническую, жестокую правду.

Два эксперта-криминалиста работали около красной лужи, заливавшей три с лишним квадратных метра кафельного пола, в середине которой, как в кривом зеркале, отражался свет. Они действовали осторожно, стараясь не слишком приближаться к человеку, лежащему на спине с перерезанным горлом: рана была яркая и глянцевая на срезе, как свежий стейк из супермаркета, разрезанный пополам. На коже кровь засохла, а на полу выглядела липкой, почти клейкой. Темная, густо-бордовая кровь казалась еще жутче в мощном

свете ламп.

– Глава семьи, – представил Филипп Николая, протягивая руку к телу. – Наиболее вероятный сценарий – убит первым. Наверняка застигнут врасплох, нет следов борьбы, пыток – его просто прихлопнули, как назойливого комара, попавшего под руку.

Веки трупа были сомкнуты не полностью, и с порога кухни Алексис мог видеть зрачки, слегка поблескивавшие в ярком свете софитов. Глаза смотрели, но ничего не видели. И не увидят больше никогда. Они застыли, взглянув в лицо смерти, навсегда остановив свой взгляд на том, кто пришел забрать несколько жизней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.